

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

МЕФОДИЙ БУСЛАЕВ™

БИЛЕТ НА ЛЫСУЮ ГОРУ

ХУЛИГАНСКОЕ ФЭНТЕЗИ!

Дмитрий Емец
Билет на Лысую гору
Серия «Мефодий Буслаев», книга 4

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133340
Билет на Лысую Гору: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-14552-2*

Аннотация

Аида Плаховна Мамзелькина, трудолюбивая старушка с косой в руках, пошла на серьезное должностное преступление, чтобы помочь Мефодию и его друзьям бежать от гнева главы Канцелярии мрака карлика Лигула. Мир лопухоидов велик, но в нем не спрячешься. Эдем и Тартар тоже отпадают: Эдема ученики мрака не заслужили, в Тартар же особенно торопиться не стоит! Остается только одно место, где Мефодия и его компанию не сразу догадаются искать... Лысая Гора. А еще Мамзелькин а посоветовала ребятам узнать тайну Лигула. Говорят, будто в молодости горбатый карлик провел несколько лет на Лысой Горе и очень невзлюбил это экстремальное местечко. Лигул же тем временем ищет Камень Пути, который даст ему упорство, силу, волю к победе в достижении главной цели – стать повелителем мрака...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	49
Глава 3	73
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Дмитрий Емец

Билет на Лысую Гору

Глава 1

Фея Трехдюймовочка

Эдя Хаврон зевнул. Эдя Хаврон вздохнул. Эдя Хаврон заглянул в холодильник, но обнаружил там лишь позавчерашний суп, подернутый жирной застывшей пленкой. Он был голоден и сердит. В карманах позванивала только горсть мелочи, словно он клянчил у прохожих на проезд в метро.

Его работа в спортивном клубе бесславно завершилась неделю назад, когда, печатая очередное меню, Эдя озорства ради изменил его шапку. В новом варианте гордая «Царица пляжа» стала «Королевой целлюлита». По закону подлости, именно это искаженное меню отправили для подготовки радиорекламы, и никто, конечно, ничего не проверил до самого последнего момента. Начальство Эди не оценило шутку по достоинству, и выброшенный из тихой заводи коктейлей и витаминных салатов враждебным береговым течением Эдя поплыл по реке жизни дальше.

Деньги быстро закончились. А тут еще, прихватив рабочую пятницу и два выходных, его любимая сестрица Зозо

уехала в подмосковный дом отдыха, где в очередной раз пыталась устроить свою судьбу. Дафна с Мефодием тоже куда-то запропастились, но о них Эдя почти не вспоминал: не до того было. Он, повторяю, был голоден и сердит.

Дверной звонок ласково тренькнул раз, другой и внезапно забился в истерике. Хаврон удивился. Он никого не ждал.

– Кто там? – спросил он.

– Телеграмма! – ответили ему.

Эдя открыл. Но, увы, телеграммы он так и не получил. Если, конечно, не считать телеграммой врезавшийся ему в подбородок кулак. Уклониться он не успел. Пыльный коврик с горой Демерджи заботливо постелился под его рухнувшее тело.

Сознания Эдя все же не потерял и, лежа на коврике, наблюдал, как, перешагивая через его тело, в квартиру проходят трое мужчин. Первый был бритый толстяк в белой водолазке и черных джинсах, на ремень которых свисало жирное и, вероятно, потное брюхо. Спутники толстяка были два типичнейших братка, одетые в спортивные костюмы и кроссовки. Отличались они друг от друга только тем, что один был рыжеватый, а у другого щеку пересекал шрам.

Захлопнув дверь, владелец жирного брюха пнул Эдю ногой.

– Ё-мое! – охнул Эдя.

– Да твое оно, твое! Вставай, матрос! Разговор есть!

– Спасибо. Я лучше полежу. Трудный, знаете ли, выдал-

ся денек, – отказался Хаврон, задумчиво трогая подбородок. Он прикинул, что если встанет, то скорее всего снова получит.

– Я сказал: вставай! – процедил толстяк и опять пнул его ногой.

Эдя неохотно поднялся. Он умел разбираться в интонациях. Его втащили в комнату и бесцеремонно толкнули в кресло.

– Я пришел потолковать с тобой как матрос с матросом. Меня зовут Феликс, – заявил толстяк, оседлав стул.

Эдя хотел поинтересоваться, с какой это радости его называли матросом, но благоразумно промолчал. Хоть матросом назови, только купаться не заставляй.

– Матрос, знаешь, зачем существуют долги? Чтобы их отдавать! Моя же работа состоит в том, чтобы получать деньги с тех, кто не хочет делать это добровольно, – продолжал Феликс.

Фразы лились из него, как из патефона. Ощущались немалый опыт и глубокое профессиональное соответствие.

– Я ничего не должен, – уныло заспорил Эдя.

Отнекиваясь, он торопливо соображал, с каким из его многочисленных долгов связан этот визит. Он был должен целой куче людей, но чисто символические суммы. Во всяком случае мордобоем нигде не пахло. Максимум могли кинуть в него котлетой или помидором.

Толстяк зацокал языком.

– Два года назад ты работал в ресторане «Египет»?

– Э-э... – сказал Эдя, не решаясь это отрицать. – Возможно. Я много где работал.

– В баре?

– Ну...

Феликс похлопал его по щеке.

– Умный мальчик, головастый! Все помнит!.. Так вот, матрос, вы с напарником продавали там спиртное и прикарманивали часть выручки. Потом ты уволился. Твой напарник продолжал прежние фокусы. Недавно он засыпался... Мы с ним уже говорили, – толстяк посмотрел на свой кулак. – Он раскаялся и уже заплатил штраф. Кроме того, он рассказал нам о тебе.

– Настоящий друг, – печально произнес Эдя. Интуиция подсказывала, что отрицание в данном случае не лучшая идея.

Феликс одобрительно хмыкнул.

– Вот и умница, что все понял!.. Настоящий матрос! В общем с тебя три тысячи, и разойдемся на встречных курсах.

– Три тысячи чего? Рублей? – неосторожно ляпнул Хаврон и едва не перелетел через кресло. Он даже не заметил, когда толстяк замахнулся. У этой драчливой туши определенно было боксерское прошлое.

– Не обижайся, матрос! Рублями тут не считают! Это чтобы ты стал понятливее. Вернешь деньги? – сказал Феликс.

– Угу. Нет проблем! – злобно проговорил Эдя, трогая ску-

лу. – Ах да, я забыл! Я же пожертвовал их на заморозку Антарктиды! Позвоните моему банкиру на следующей неделе...

Кулак толстяка вновь взлетел. На этот раз Хаврон уловил движение, начавшееся в бедре, но, не успев уклониться, вновь ткнулся ухом в кресло.

– Послушайте, вы! Перестаньте распускать руки! Я что, похож на человека, у которого есть деньги? – заорал Эдя.

Нахмурившись, Феликс повернулся к браткам. Рыжий с большим умственным напряжением, читавшимся на его лице, чистил ногти кнопочным ножом. Парень со шрамом откровенно зевал, разглядывая свои кроссовки. Его длинное лошадиное лицо было унылым. Оба явно скучали от рутинной работы.

– Как думаете? Нет у него денег? – поинтересовался толстяк.

– Похоже на то, – неохотно процедил рыжий. – Квартира убитая. Машины нет, компьютера нет, техника дрянь. Даже если все подчистую вынести, и на пятьсот баксов не наберет... Короче, парень серьезно попал.

– Ладно, матрос. Убедил! – сказал Феликс. – У тебя нет этих денег, мы верим. Мы даем тебе три дня, чтобы ты нашел нужную сумму. Достанешь – твое счастье. Не достанешь – пеняй на себя. Сегодня я бил тебя один и в треть силы. В следующий раз будем бить вдвоем. И вот что, матрос, даже не пытайся скрыться. Если попробуешь скрыться, мы...

– Дайте я сам догадаюсь! Что-то вроде того, что я сильно пожалею? – внося полную ясность, уточнил Хаврон.

Толстяк отлепил от стула свой массивный зад.

– Не умничай! Я и так вижу, что ты понятливый, – подтвердил он.

Мрачная тройца прошествовала мимо пустой кровати Мефодия, попутно и без интереса покосившись на его детскую фотографию, и вытекла на лестничную площадку.

– Ты, матрос, не особенно расслабляйся! А то будешь некрасивый! – сказал на прощание рыжий и сделал ножом движение крест-накрест, будто расписывал Эде лицо.

Дождавшись, пока закроется дверь, Хаврон швырнул в нее тапкой и, подперев голову руками, отдал себя во власть мрачных дум. Так как никаких перспектив достать деньги у Эди не было, то и мысли его долго не задержались на этом тупиковом предмете. Они заскользили дальше, обратившись к вещам самым абстрактным.

«Не иначе, как моя мама, нося меня в животе, засмотрелась в зоопарке на зебру. С тех пор у меня все существование в полоску. Огромная черная и ма-а-асенькая белая!» – думал Эдя, страница за страницей перелистывая свою полную неурядиц жизнь.

Постепенно он дошел до детства, и в памяти у него синим раздутым утопленником всплыла нянька. Тонкие белые губы в сухих трещинках. Сероватый короткий нос. Грубый толстый волос на подбородке. Он двигается всякий раз, как

она говорит. Вот нянька больно хватает его за руку, притягивает к себе, сдергивает темные очки, и он видит жуткие глаза без зрачков.

– *Разве мало мне сокровищ днепровских порогов? Золото, оружие с десятков разбившихся ладей. Те деньги, что мне платили твои родители, я слепила бы из грязи. Когда-нибудь твоя жизнь доведет тебя до перекрестка, и там снова буду я! Пока же пусть твоя мать уберет этудохлую птицу!* – шуршит голос. Малыш заходится в беззвучном плаче. Он смутно чувствует, что если закричит, сухие пальцы ведьмы сомкнутся у него на горле.

И вновь, хотя прошли уже годы, Эдя ощутил ужас и жуткую сухость во рту. На целые десятилетия старуха стала его кошмаром.

– Прррр! Хватит! Долой воспоминания! Всему свое время. Время проливать слезы и консервировать сопли еще не наступило, – сказал себе Эдя.

Он тряхнул головой и встал, собираясь идти в ванную, чтобы немедленно заняться лицом. Лицо, встретившееся несколько раз с кулаком Феликса, начинало подозрительно тяжелеть. Эдя отлично знал, что это означает. Завтра к утру он сможет выйти из дому только в темных очках. Послезавтра же будет еще хуже: все станет лиловым.

– Во всем надо видеть хорошие стороны. Мне повезло, что я не снимаюсь в рекламе, – проворчал Хаврон.

Он шагнул было к двери, но в этот момент с потолка на

голову ему сбежала струйка песка. Удивленный Эдя поднял голову, не понимая, что это за фокусы, и едва успел спасти лоб от маленького кожаного чемодана. Чемодан зацепил его грудь, отскочил, упал на пол и открылся. Прежде чем заглядывать в него, изумленный Хаврон уставился на потолок. Он ожидал увидеть трещину или пролом, но... ничего подобного. Потолок выглядел так же заурядно, как и миллионы других потолков. На худой конец с него могли упасть пласт штукатурки или люстра, но уж точно не чемодан.

Как человек глубоко материалистический, Эдя поспешно просчитывал варианты. «Как же он туда попал? Ага!.. Мефодий или Дашка приклеили чемодан к потолку скотчем. Зачем? Хм, ну мало ли какой бред приходит людям в голову... Чемодан маленький, и скотч его удерживал... Но разве скотч приклеится к штукатурке? И потом, где скотч сейчас?» – думал Эдя, все больше озадачиваясь.

Он присел на корточки и осторожно заглянул в чемодан. Если прежде чемодан был абсолютно пуст (Эдя мог бы поклясться в этом если не своим, то чьим-нибудь чужим зубом), то теперь на дне его лежал сложенный в восемь раз лист плотной желтоватой бумаги.

«Плакат какой-то», – подумал Хаврон и машинально развернул.

«ВНИМАНИЕ: награда 10 000 дырок от бубликов.

Лысегорское отделение маглиции (пересечение ул. Висе-

личной с Двухгробовым переулком) разыскивает опасную преступницу.

Имя: фея Трехдюймовочка.

Приметы: рост 9 см, талия 7,5 см. Никогда не расстаётся со шляпкой. Склонна к неумным восторгам. Курит сигаретки афганского производства. Владеет навыками боевой магии. На кончиках пальцев ожоги. Единственная выжившая участница европейского командного первенства по роковым сглазам 1478 года.

Обвинения: соучастие в краже артефакта и незаконные предсказания будущего, влияющие на его ход.

Могла бежать в мир лопухоидов. Запрещается оказывать любую помощь преступнице.

Если вам известно что-либо, звоните по номеру 000-00-00 с любого неработающего телефона или воспользуйтесь стандартным заклинанием вызова маглиции».

Эдя перечитал плакат дважды. Ему ни на секунду не пришло в голову, что это может быть чем-то более значительным, нежели детские писульки.

– Кто это пишет? Дашка? Или Мефодька? Вот так все и начинается. А вообще ничего, есть забавные моменты... Про сигаретки там... – вполголоса произнес Эдя.

Едва он упомянул о сигаретках, как рядом кто-то вежливо кашлянул.

– Ах, какой милый молодой паж! Какое благородное лицо,

лишь немного ошестиненное небритостью!.. Чудный юноша, огонька не найдется? – услышал Эдя тихий хрипловатый голос.

Он резко повернулся, но никого не увидел.

«Померещилось», – подумал он с испугом и, не сохранив равновесия, грузно сел на пол. Вернее, едва не сел, потому что уже в следующий миг неведомая сила взметнула его в воздух и обрушила на диван. Эдя терпеливо лежал и ждал, пока перед глазами восстановится картинка.

– Вы же чуть меня не раздавили! Сидеть в присутствии дамы – это еще куда ни шло. По бедности сойдет... Но сесть на даму – это такое дурновкусие, которого в приличном обществе себе не позволяют!.. Что вы скажете в свое оправдание?.. А, что? – вознегодовал голос.

Эдя осторожно сполз с дивана и, лежа животом на полу, тупо разглядывал собеседницу. На вид это была совсем молоденькая, радостная и энергичная дамочка – хотя кто возьмется определять возраст фей? Ростом она была с шариковую ручку. На голове – соломенная шляпка романтического вида. За спиной – четыре крыла, тонких, прозрачных, стрекозиных, пребывавших в постоянном движении. В руке дамочка держала веер. В уголке красных губ – вставленная в мундштук сигарета.

– Князь, я смущена! Что вы таращитесь на меня как баран на создание нерусского фольклора? Лучше поспособствуйте лучинкой. Вы видите, дама в замешательстве, – томно про-

изнесла незнакомка.

– Нету лучинки, – с трудом выговорил Хаврон.

– Ну на нет и гильотины нет! Придется прибегнуть к магии, раз все так запущено! – вздохнула собеседница, без труда зажигая сигарету прикосновением ногтя.

– Ты фея Трехдуюмовочка! – неожиданно для себя выпалил Эдя. Одновременно он подумал, не являются ли все эти глюки на тему фей прямым следствием того, что Феликс бил его по голове.

Молоденькая дамочка всполошилась. Затрепетала крыльями. Уронила шляпу. Эдя увидел длинные темные волосы, подхваченные золотым обручем.

– Умоляю, больше ни звука, князек! Магия и мое имя, произнесенное вслух! Этого достаточно, чтобы узнать...

– Что узнать?

– Тиш! Не так громко! Я не глухая! И почему вы, великаны, всегда так орете? Поверь, самые простые слова имеют гораздо больше силы и смысла, если произносишь их шепотом.

– А?.. Чего?.. – не понял Хаврон.

Нетерпеливо отмахнувшись от Эди, незнакомка торопливо сложила веер, перевернула его и – в руках у нее оказалась волшебная палочка, которая заканчивалась хрустальным шаром. Внутри шара с сухим неприятным треском перекрещивались фиолетовые молнии.

– Магическая палочка-веер пятиударного действия... Ни

один лопуховид не должен касаться шара, если, разумеется, в его планы не входит стать пеплом... Даже смотреть лишний раз не следует. А теперь минутку терпения, вагон понимания – я экранирую пространство!.. – предупредила фея.

Она обошла комнату и поочередно коснулась палочкой всех стен и пола. Эдя слышал сухое потрескивание. Лишь однажды ему померещилась прозрачная стена, тонкая, как кисея, слившаяся с основной стеной комнаты. Но скорее всего это был обман зрения. Последней настала очередь потолка. Трепеща прозрачными крыльями, фея взлетела и коснулась его.

– Уф! Теперь я спокойна. Если они не засекли меня раньше, то я в безопасности. А, герцог-переросток? Что ты думаешь? – спросила Трехдюймовочка, успокаиваясь.

Эдя молча проглотил сомнительный титул.

Порхая вокруг, фея внезапно заинтересовалась его лицом.

– Ах, мил-человек! Как можно так небрежно относиться к своей физиономии? Лицо дается лишь один раз. Удивляюсь я вам, мужчинам! О чем вы только думаете? Неужели нельзя наносить удары по какому-нибудь другому месту?

– Похоже, нельзя, – проворчал Эдя.

– Ах-ах-ах! Зачем же таким колючим голосом? Твоей маме стоило больше любить тебя в детстве, князек!

– Она меня и так любила.

– Поверь, мне лучше знать. Твоя мама больше любила

твою сестру. Это заметно по маленькой морщинке чуть выше переносицы. И по рисунку на сетчатке твоего левого глаза. И не спорь со мной, лопухойд!

– Как ты меня назвала? – любознательно переспросил Эдя.

Он никогда не упускал случая пополнить свой богатый словарь бранной лексики.

– Прости, князек! Я забыла, что ты непосвященный. Выкинь все из головы! Позволь, я займусь твоим лицом... У меня большой опыт. Пару раз я присутствовала при изготовлении мумий. Ты выглядишь чуть лучше, но такой же бледненький... Ты часом не мертвяк, нет?

Не прибегая к волшебной палочке, фея коснулась лица Эди легкой ладонью. Он ощутил покалывание, а в следующий миг Трехдюймовочка уже сидела на краю шкафа и как ни в чем не бывало болтала ногами.

– О, какая прелесть! Уже не болит, не так ли? Никаких следов не будет! Даю пожизненную гарантию. Попутно я убрала с зубов пару пятнышек кариеса, избавила тебя от прыщей, ушной серы и перхоти! Ну и от кое-чего другого по мелочи! – похвасталась она.

Эдя метнулся к зеркалу. Из зеркала на него воззрилось нагловатое, небритое, но очень здоровое и довольное лицо, которое в равной степени могло принадлежать брачному аферисту и трубачу провинциального оркестра. Фея не шутила. Она убрала все лишнее: нездоровую синеву под глаза-

ми, следы кулаков Феликса и даже бестолковую родинку у правой брови. Стоя у зеркала, Эдя торопливо просчитывал все плюсы обладания собственной феей. Plusов было море, но и минусов, правда, тоже. Главные минусы Эдя связывал с теми, кто разыскивал фею. Подумав об этом, он покосился на телефон, соображая, не звякнуть ли 000-00-00, но эта предательская мысль задержалась у него не дольше, чем на секунду. Менять живую и всемогущую фею на какие-то бубличные дырки!.. Это уж увольте!

Хаврон как человек принадлежал к распространенному ныне типу корыстных и циничных, однако в душе был даже слегка идеалистом. Правда, скажи кто-нибудь ему нечто подобное, Эдя скорее всего передернулся бы от омерзения и принялся бы протестовать.

– Я тебя никому не отдам! Ты сокровище! – воскликнул Эдя.

Трехдюймовочка одарила его снисходительной улыбкой.

– Спасибо. Мне уже говорили такое. Хотя я слышала и обратное. Особенно со стороны неблагодарных конкурентов. Они обвиняют меня во всевозможных преступлениях.

Хаврон помрачнел.

– За твое «спасибо» я не скажу тебе «пожалуйста». А за что тебя разыскивают? – спросил он, проверяя.

– Дорогой великанчик! – сказала фея, мило картавя. – Запомни это однажды и больше не повторяй ошибки. Если ты увидел афишу, то потому лишь, что я сама этого захотела...

– То, что в афише, правда?

– Разумеется. Незаконные предсказания будущего – полбеды. На это долго смотрели бы сквозь пальцы, если бы не другой мой проступок... Я помогла похитить артефакт, – сказала Трехдюймовочка.

– Это уже интересно. И как же ты это сделала? – спросил Хаврон.

Фея быстро взглянула на него и наморщила лоб.

– Однажды вечером ко мне явился закутанный в плащ человек. Я даже лица его не разглядела. Что-то такое мелкое и незначительное. Он принес мешочек алмазной пыли и потребовал у меня заговорить ее. Алмазная пыль, видишь ли, отличная вещь. Большинство артефактов защищены от телепортации и от кражи, однако если посыпать их алмазной пылью, на которую наложена магия фей, артефакт можно унести без особого риска...

– Типичная подстава! Зачем же ты согласилась?

Трехдюймовочка вспорхнула и перелетела на подоконник.

– Я не могла отказаться. Когда-то давным-давно один маг спас мне жизнь. В благодарность я подарила ему кольцо и пообещала, что исполню любую – даже самую невероятную – просьбу того, кто покажет мне его. И вот в тот вечер мне вернули мое кольцо и напомнили об обещании в ультимативной форме.

– А почему ты не отказалась?

– Ты глуп! Магические обещания нельзя нарушать! Даже темные маги вынуждены держать слово, если уж его дали... – с раздражением отвечала Трехдюймовочка.

– К тебе пришел он? Тот, что спас тебя?

Фея замотала головой так решительно, что едва не потеряла шляпу.

– Ничего подобного. Тот был гораздо выше и не стал бы прятать лицо. Но кольцо было мое. Взять клятву назад я не могла и заговорила алмазную пыль. Человечек молча повернулся и исчез, спрятав под плащом мешочек с пылью. Прошел день, еще день, потом неделя. Все было тихо. Я начала уже успокаиваться, как вдруг среди ночи на Лысой Горе поднимается страшный переполох. Упыри, ведьмы, оборотни, всякая прочая шушера – все носятся как ошпаренные и сплетничают как сглаженные бабки, хотя никто толком ничего не знает. Даже мертвяки и те повылезали из могил, хотя у них был законный выходной и вообще не их ночь...

– А что, бывают и их ночи? – с суеверным ужасом спросил Эдя.

Трехдюймовочка поморщилась. Ответ для нее был слишком очевидным.

– Наутро понаехали шишки из Магщества Продрыглых Магций и завертелось. Площадь, где находится Хранилище Артефактов, моментально оцепили. Накануне ночью кто-то проник в хранилище, а оно у нас путаное, как лабиринт. Расположение коридоров и комнат меняется каждое новолуние.

Предположили, что похититель еще внутри, потому что телепортировать из хранилища невозможно. Две группы боевых магов и проводник проникли в хранилище и все там обшарили. Разумеется, никого не нашли. В полу хранилища зияла дыра. Явная работа нежити. Только нежить могла подрыть лабиринт в такие короткие сроки. Все артефакты были на месте, кроме одного... – фея выщелкнула из пачки новую сигарету.

Эдя подумал, что она либо чудовищно волнуется, либо действительно курит как паровоз.

– Барон, огонька! А, да, я забыла! – сказала она и вновь воспользовалась ногтем.

– Так что украли-то? – нетерпеливо спросил Эдя, не любивший долгих предисловий.

Оберегая дым в легких, фея подняла брови и сделала несколько зигзагообразных движений сигаретой.

– Знаю, что какая-то невзрачная с виду вещьца... Вскоре я услышала, будто на месте преступления обнаружили алмазную пыль. Не дожидаясь, пока меня вычислят – а это легче легкого сделать по наложенной на пыль магии, – я скрылась. Несколько дней прожила у знакомой колдуньи, а потом старушка перетрусилась, и я бежала в мир лопухоидов, – сказала фея.

– А остаться нельзя было? Ну объяснить этим шкетам из Магщества: мол, клятва и все такое? – спросил Эдя.

Трехдюймовочка выпустила дым через ноздри.

– Можно – нельзя, какая разница! – нервно отвечала она. – Им нужны не объяснения, а исчезнувший артефакт. Вот увидишь, они пошлют за мной Глиняного Пса!

– Это так страшно? Что за Глиняный Пес-то?

– О, некромагия! Ни больше и ни меньше. Наскоро слепленный кусок глины, пропитанный человечесьей и собачьей кровью в соотношении один к трем. Не знает усталости. Обладает потрясающим нюхом. Пока не высохнет кровь – будет идти по следу и приведет к похитителю даже в том случае, если он телепортировал. Когда же Пес совсем близко – телепортации вообще становятся невозможными. Сама возможность их перечеркнута на корню. Короче говоря, скрыться от Пса чудовищно сложно!

– А как он возьмет след? – легкомысленно спросил Эдя.

Он никогда особенно не интересовался собаками и знал о них лишь то, что не стоит особенно размахивать руками, когда проходишь на улице мимо.

– Как можно такое спрашивать! Да проще простого! – всплеснула руками фея. – А алмазная пыль с наложенной на нее магией? Моей магией! Уверена, он уже идет по следу. Проклятая глиняшка! Сидеть вот тут и бояться! Тьфу, ненавижу!

Продолжая порхать по комнате, Трехдюймовочка едва не врезалась в детскую фотографию Мефодия. От ее взгляда не укрылся и ошейник Депресняка, валявшийся на некогда занимаемой Даф кровати.

– Ого! – воскликнула она. – Я не ошиблась! Веселенькое местечко! Они не скоро догадаются, что я могу оказаться ЗДЕСЬ...

Эдя хотел уточнить, что она имела в виду под «здесь» и что такого особенного в его комнатухе на окраине города, но не стал. Последнее время их дом порой казался ему *очень странным местом*. Хаврон чувствовал это с остротой так и не выросшего ребенка.

– Кстати, – продолжала фея. – Раз уж я тут поселилась, кое в чем я должна признаться. Ты готов к признаниям?

– Смотря к каким, – осторожно ответил Эдя.

– А к таким! Если ты заметишь, что я резко переменялась, перестала тебя узнавать, угрожаю или пытаюсь напустить на тебя порчу – не тревожься и не возмущайся. Дело в том, что это буду не я.

– Как это не возмущаться? – не понял Хаврон. – Тогда я тоже хочу вас предупредить. Если однажды я запущу в вас молотком, просверлю дрелью или случайно вылью на голову кипящее молоко – не тревожьтесь и не качайте права! Это буду не я.

– Видишь ли, тут такое дело... Это неприятная семейная тайна, почти скелет в шкафу, – продолжала Трехдюймовочка со смущением в голосе. – У меня была сестра-близнец. Как ни больно это говорить, особа не слишком приятная во всех отношениях. Феи обычно служат свету – она же служила тьме. Век темных фей обычно бывает недолог. О том, как

она встретила свой конец, рассказывать тебе я не буду. Если она захочет – расскажет сама...

– *Что сделает?* – с суеверным испугом переспросил Хаврон. Его не слишком тянуло общаться с умершими феями.

Трехдюймовочка пропустила его реплику мимо ушей. Она страдала. Ее маленькие руки мяти поля соломенной шляпки.

– Как бы там ни было, сестра есть сестра. Я позволила ей – позже я сто раз об этом пожалела – вселяться в мое тело на любую треть суток по ее выбору. Так вот – она пользуется этим правом до сих пор. Я не знаю точно, что происходит в те часы, когда она занимает мое сознание, но сдается мне, что ничего особенно хорошего. Тело всегда достается мне объевшимся и уставшим. Я вынуждена отсыпаться, тра-тя на это добрую половину своих шестнадцати часов. Вот и получается, что, хотя ей принадлежит всего треть суток, на самом деле у нас все поровну, так как еще треть я вынуждена отсыпаться и вообще приводить себя в порядок!..

– Разве с вами что-то не в порядке? – неосторожно сказал Эдя.

– РАЗУМЕЕТСЯ, НЕТ! – взвилась фея. – Смотри, в кого превратила меня эта обжора! Я ее ненавижу! Иногда, чтобы в нее ничего уже не влезло, я назло ей съедаю две крошки орехового рулета и выпиваю наперсток молока! Но разве эту свинью проймешь? С нее же все как с гуся вода!

Негодующее лицо Трехдюймовочки приобрело багровый

оттенков. Эдя терпеливо слушал. Он уже привык, что как только речь заходит о родственниках, особенно о братьях и сестрах, самые приличные с виду люди начинают грызть зубами полировку.

– Да что она вообще может! Никакой усидчивости, никакой любознательности! Не умеет заплетать в косы солнечные лучи! Вышивать росой на листьях эвкалипта! Превращать слезы в морские жемчужины! Только и способна, что предсказывать будущее!.. Ну да, в боевой магии она тоже отлично разбирается! Но это же дурновкусие! Фея и вдруг боевой маг, устраивающий в кабаках дебоши!

Эдя сладко прищурился, представив себе крошечную фею, разносящую с пьяных глаз клуб «Царица пляжа». «Хорошо бы ее туда подослать... Типа как подкачаться соломинкой из бара», – подумал он.

– Понял я, понял. Жуткая у тебя сестра! Соболезную. У меня у самого есть сестра, так что можешь мне не говорить, – сказал он, пытаясь прекратить излияния на семейную тему.

– Сестра? Что, тоже безумная волшебница? – посочувствовала фея.

– Хуже. Она постоянно ищет человека, которому можно сковать палец обручальным кольцом. Я заранее не завидую этому бедолаге.

– Венец безбрачия? – с интересом спросила фея. – Твоя сестра не ссорилась с сильными волшебниками, нет?

– А я откуда знаю? Думаю, что нет, – сказал Эдя.

– И долго она ищет-то?

– Да, как с папашкой Мефодькиным развелась, так и ищет... Лет уже десять, наверное...

– Это еще терпимо, – авторитетно произнесла фея.

Хаврон, однако, так не считал.

– Но не в одной же комнате!.. Иметь старшую сестру – это такое уродство. Мне было тринадцать, когда к Зойке начали ходить всякие кретины! Толклись здесь целый день, сидели на моей кровати, ломали мои ролики, ржали как кони... Порой мне хотелось одолжить у кого-нибудь ружье! А потом завелась эта белобрысая мелочь со сколотым зубом, и стал вообще атас! – сказал Хаврон недовольно.

– Ну-ну. Не жалуйся. Помучайся еще лет десять. Когда тот маленький мальчик, что болтается в рамке, войдет в силу, комнат у вас будет побольше. Как ты смотришь, чтобы поселиться в усадьбе Кусково? При желании можно переименовать ее в сельцо Хавроново! – предложила фея.

Эдя недоумевающе заморгал. Слова феи он воспринял как глупую шутку.

– Как это?

– Думаешь, тесновато будет? Ну тогда переселишься в Версаль!..

– Очень он мне нужен. Лучше я повыгоняю всех из нашего подъезда, поломаю тут все перегородки, посажу пальмовый лес, а сам буду качаться в гамаке и есть бананы. На крыше же помещу снайпера, чтоб он отстреливал всех, кто хотя бы

издали похож на жениха! – сказал Эдя.

Порой он фантазировал в этом направлении, так что тут у него все было разработано до мелочей.

– Как скажешь, – послушно сказала фея. – Я бы и сама могла тебе все это устроить, но, боюсь, что мне не стоит особенно светиться с магией. Вот моя сестра – другое дело. Иногда ее несет, и она начинает делать глупости.

– Хм... А как вас отличить? Ну тебя и сестру? – спросил Эдя заинтересованно.

– Меня и сестру? О, ты нас не спутаешь, не волнуйся! Я худею, а эта свинья обжирается. Именно из-за нее моя талия почти равна моему росту. Я курю, а она ненавидит курево. Она пачкает мои волосы! Пользуется кошмарными духами! Ссорится с моими друзьями! Ну и многое-многое другое!.. Единственное, что меня утешает – то, что в последнее время мы не общаемся. Когда есть я – нет ее. Когда есть она – нет меня, – заявила Трехдюймовочка.

– А она меня не прикончит? – спросил Эдя с сомнением.

– Пусть только попробует! Я начерчу на тебе знак, и она поймет, что ты лопухоид, находящийся под моим покровительством! – решительно сказала Трехдюймовочка.

Она подняла веер и, прежде чем Хаврон успел сообразить, что она собирается сделать, быстро начертила в воздухе какой-то знак. Эде почудилось, будто его груди коснулось что-то жгучее. Он вскрикнул, схватился за грудь, но странное ощущение уже исчезло.

– Не надо пугаться! Это мое личное магическое тавро. Так мы, феи, метим единорогов, и ни один упырь не осмеливается пустить в них стрелу... Не беспокойся, в твоем случае метка временная. Дня на три, не больше... Зато теперь моя сестренка тебя узнает.

Заглянув под майку и не обнаружив на груди ничего, кроме привычной шерсти, Эдя мало-помалу успокоился.

– Все равно, предупреждать надо... Тоже мне, нашла единорога! А как зовут твою сестру?

– Двухдюймовочка!

– Ну и имя. А эта... как ее... Дюймовочка вам не родственница? – спросил Эдя, и тотчас поплатился за свой невинный вопрос.

Магическое поле возмущенной феи отбросило его на добрых полметра. Трехдюймовочка топнула ногой.

– Кто? Дюймовочка? Ты бы еще спросил, не родственница ли я винтовке, как спросил меня один остряк-самоучка!.. Ныне покойный, осмелюсь добавить!!! Дюймовочка! Фыр! Эта скандальная особа! Чего стоит ее непозволительный флирт с кротом, который, кстати, вовсе не был кротом изначально! Милейший отставной казначей из гномов. Немного занудный и бережливый, согласна, но несколько не заслуживающий такой участи... И потом, между нами, брак Дюймовочки с королем эльфов был слишком скоропалительным. В нашем кругу не признают неравных браков. И знаешь почему? Потому что когда исчезает любовь, остается

ся неравенство!.. И что тогда делать бедным людям? Грызть локти и метать стрелки дартса в свадебные фотографии!

– Но в сказке все совсем по-другому! – сказал Эдя, на всякий случай отодвигаясь подальше от сердитой феи.

– Сказки, юноша, это политическая реклама магического мира. Всего-навсего! Та сторона, что победила, моментально заказывает о себе сказку. Взять хотя бы сказки об Иванушке-дурачке! Все они заказаны его женой, Василисой, которая фактически одна и правила государством, скинув царя Гороха! Ивашка же до старости сопли на кулак мотал. Василисе приходилось вкладывать чудовищные средства, раскручивая его как самостоятельную политическую фигуру. Она подкупала разбойников, змеев и великанов, которые трубили повсюду, что он победил их. Заставила даже своего дядьку Бессмертника Кощеева похитить ее, а Ивашка сдуру, вместо того чтобы найти ее за шесть месяцев, как предписывалось сценарием, проискал целых семь лет... В общем старая и скучная история! Загляни в любой учебник магического пиара! Эй, ты меня не слушаешь?

– Ага. То есть не ага! – поправился Хаврон.

Думал он действительно не о магическом пиаре. Его вдруг осенила мысль настолько же блестящая, насколько и наглая. Ему пришло в голову, что можно попросить денег у феи и откупиться от Феликса.

Однако не успел он на это решиться, как с Трехдюймовочкой начало происходить нечто странное. Лицо – не лицо

даже, а выражение его – неуловимо изменилось. Оно сделалось саркастичным и колючим. Фея брезгливо уставилась на сигарету в своих пальцах, отбросила ее и принялась негодуя размахивать шляпой.

– Омерзительный дым! Эта дурында опять прокурила мне все легкие!

Затем взгляд феи остановился на том, чем она рассеивала дым.

– И снова эта отвратительная шляпа! Я же писала зануде, чтоб она не смела ее носить! Ну-ка посмотрим, что она мне ответила, – сказала она и взглянула на внутреннюю часть поля шляпы. – Как? Куда-куда я должна пойти? И это она пишет родной сестре, которую не видела столько времени! – проговорила она с негодованием и, подбросив шляпу, испепелила ее взглядом.

Эдя покосился на часы. Минутная стрелка только-только переползла отметку «12». Часовая же была на четырех.

«Любая треть суток!.. Значит, это Двухдюймовочка!» – понял Эдя.

Закончив со шляпой, фея соизволила заметить Хаврона.

– А это что за великан-недоросток? Неужели зануда завела себя нового пажа-лопухоида? О, она его даже пометила! Ну разумеется! Она еще в детстве подписывала все свои вещи! Пеналы, линейки, чулки, волшебные палочки! Эй, существо, как тебя зовут, и где моя сестрица тебя откопала?

Эдя представился. Он пояснил, что его-то как раз нигде и

не откапывали и что в его квартире Трехдюймовочка скрывается от преследователей с Лысой Горы.

– Разумеется! Зануда все-таки нарвалась и намылилась в лопухоидный мир! Предупреждала я ее, чтобы она не давала кому попало обещаний! Ну-ну, Хаврон Эдуардович, или как тебя там, ври дальше!.. Что тебе сеструха наговорила обо мне? Что я истеричка, психопатка, темная фея, которая кого попало превращает в змей, лягушек и пьяных водопроводчиков? Не молчать! Отвечать! – велела Двухдюймовочка.

Хаврон из осторожности промычал что-то, не вдаваясь в подробности. Двухдюймовочка не стала настаивать, вполне удовлетворившись мычанием.

– Великанчик! За мной шагом марш! По сторонам не глазеть! С мухами телепатически не общаться! – приказала она.

Перелетев на кухню, она моментально, одним магическим чутьем, прозрела спрятанную в шкафчике за кастрюлями бутылку коньяка. Об этой бутылке, составлявшей секретные стратегические запасы Зозо, не знал даже Эдя. Хаврон мысленно боднул сестру в ауру. «Таилась! От родного брата!» – подумал он с негодованием.

Раскупорив бутылку одним движением веера, фея заставила ее взмыть в воздух и наполнила возникший в ее руке стаканчик из темного непрозрачного стекла. Размером он был не больше наперстка.

– Разве феи пьют не нектар? Амброзию там и все такое? – вежливо поинтересовался Хаврон.

– Феи пьют все, что не едят... И едят все, что не пьют!.. Ну, за встречу! – сказала Двухдюймовочка.

Наперсток мигом опустел. Вдогонку за первым стаканчиком последовал второй. Затем, притормозив на время с коньяком, Двухдюймовочка занялась раскрытием темы венских колбасок. Откуда они взялись, Эдя сказать затруднился бы, но, судя по всему, Двухдюймовочка свистнула их в одном из центральных рестораничков. Учитывая размеры колбасок, фее приходилось уменьшать их в два или в три раза. Голодный Эдя грустно наблюдал за этим кошунством.

«Не хочет угощать и не надо! Просить не буду. Нет смысла размениваться на пустяки. Хорошо бы стрельнуть у нее денег...» – подумал Хаврон.

– Меня тут грозили убить, – начал он издалека.

Двухдюймовочка закивала с набитым ртом.

– Хорошая мысль! Одобряю. Если нужна будет помощь – пусть свистнут меня. Ты так огромен и нелеп, – пробормотала она.

Хаврон понял, что бить на жалость бесполезно.

– Я должен много денег! Вот я и подумал, что ты могла бы... – начал он.

– Дальше можешь не продолжать, великанчик. Пункт XII «Книги запретов», – перебила фея.

– Чего?

– Озвучиваю: «Под угрозой лишения магии феям и другим волшебным существам запрещено творить деньги и дру-

гие средства обмена из воздуха, грязи, морской воды и проч. Заговаривать счетные машины, банкоматы, одурачивать сервера и банковские терминалы. И тем более запрещено передавать добытые упомянутым образом денежные средства лопухоидам». В средние века все было иначе. Хотя из воздуха золото делай, сейчас же, увы... Низзя!

– Но почему? Это же такая ерунда! – воскликнул Эдя.

– Как ты сказал? Не рассуждать! Молча-а-ать! – заорала фея.

Хаврон тревожно притих. Разгневанная фея попыталась перелететь с мойки на кухонный стол, где она оставила стаканчик, однако слишком объелась, и стрекозиные крылья работали вхолостую. Заметив это, Эдя деликатно подставил ладонь и перенес фею на стол.

– Отбой команде «молчать!» – смилостивилась Двухдюймовочка, у которой, как у всякой уважающей себя феи, было не семь, а семьдесят семь пятниц. Причем не на неделе даже, а в одном четверге.

– Ты начинаешь нравиться мне, великанчик! Ты такой комнатный, не слишком громоздкий. Тебя можно посылать за жратвой, когда влом применять волшебную палочку. Хочешь стать моим пажом, назло моей сестрице? Воображаю, что она скажет, когда вместо своей метки увидит на тебе мою!

Эдя немедленно подтвердил готовность стать чьим угодно пажом, и снова принялся кланчить денег.

– Ну пожалуйста! Это же так просто! – с надеждой сказал он.

– Именно потому, что просто, это и запрещено. Будь все иначе, любой спятивший маг смог бы забросать мир лопухоидов тюками денег не менее реальных, чем настоящие купюры. Или вообще превратить всю бумагу мира в деньги. Это привело бы лопухоидный мир, который и так держится на соплях, к катастрофе, – назидательно сказала фея и осушила еще один наперсток коньяка.

Ее маленькие уши, чуть оттопыренные, как у всех фей, побагровели.

– А обойти этот запрет никак нельзя? – заговорщицки спросил Хаврон. – Ну там вместо денег дать мне штукек десять бриллиантов?

– Сколько-сколько? – с улыбкой переспросила фея.

– Ну пять... – неохотно поправился Эдя.

– А не лопнешь?

– В крайнем случае... ну в самом крайнем... один, – убито произнес Эдя, испытывая сильное желание уронить на всезнающую фею кастрюлю.

– Оно, конечно, можно. Очень даже запросто, – мрачно заверила его Двухдюймовочка. – Вся проблема в том, что ты собираешься превратить бриллианты в деньги, а я об этом знаю... Даже при условии, что на Лысой Горе ничего не проносятся, это станет известно «Книге запретов», и тогда я лишусь своей магии. До капли. «Книга запретов», видишь ли,

не просто книга. Это закон, который исполняет сам себя, не зная снисхождения.

Убедившись, что на добровольный энтузиазм рассчитывать не приходится, Эдя решил стимулировать энтузиазм принудительный. Вскочив на стул, он разразился проникновенной тирадой. В своей речи он особенно напирал на то, что феи всегда помогали людям, а под конец, в ораторском припадке, заявил о своей готовности обратиться за братской помощью к Трехдюймовочке и стать ее пажом на веки вечные. Несмотря на бедность риторических фигур, речь, особенно в финальной своей части, действовала на Двухдюймовочку отрезвляюще.

Фея тревожно зашевелилась и выразила готовность помочь.

– Только без денег! Придумай что-нибудь другое! – заявила она.

Эдя спрыгнул со стула. Он решил не мелочиться и просить сразу много.

– Нет денег – не надо! Тогда что-нибудь другое. Все, что поможет быстро разбогатеть. Какая-нибудь блестящая находка из будущего. Например, вечный двигатель? Нет? Тогда секрет превращения карандашного грифеля в алмазы или водопроводной воды в бензин? А-а?

– Великан, ты совсем тупой! – мягко сказала фея. – Ты меня переоцениваешь. Я волшебница, а не технарь. Если будет нужно, я могу сделать так, что прямо здесь и сейчас по-

явится лошадь, но попроси у меня чертеж машинки, делающей живых лошадей, и я покручу пальцем у виска...

Эдя схватился за голову. Ему хотелось встать на четвереньки и выть на луну. Вскочив, он забегал по кухне. Внезапно его ногу нежно обвила старая газета. Хаврон пнул ее, но при этом взгляд его непроизвольно зацепился за заголовок.

– «Пророк»! Вот оно! «Пророк»! Вот что мне поможет! – заорал он, целуя газету.

– О, буйное помешательство! Вот что бывает, когда между головой и телом не выдерживается пропорция один к десяти! – со знанием дела сказала Двухдюймовочка.

Наконец Эдя успокоился и стал выражаться более ясно.

– Наша золотая жила – пророчества! – пояснил он. – «Пророк» – популярное телевизионное шоу. Чем больше предсказаний сбывается, тем грандиознее приз. Разумеется, многое зависит от глобальности предсказаний. Такие мелочи, как дождик в среду вечером или повышение цен на нефть в «Пророке» не котируются. Нужны яркие, необычные, сенсационные предсказания. Ты справишься! Твоя сестра говорила, что ты отлично гадаешь!

Убедившись, что великанчик больше не прыгает и не вопит, фея поинтересовалась, велик ли приз.

– Сумма каждый раз увеличивается втрое. Кажется, за одно правильное предсказание три, за два – девять и за три – двадцать семь тысяч... – припомнил Эдя.

– Двадцать семь тысяч чего?

– Долларов.

– О! – удивилась Двухдюймовочка. – Разве доллары еще что-то стоят? По-моему, после того как Америка отказалась от национальной валюты...

Эдя подался вперед.

– Погоди! Америка отказалась от долларов?

– А разве нет? Я как-то от нечего делать нагадала это на кофейной гуще. Долларов, евро – ничего не будет. Весь мир перейдет на единую валюту. Называется *гомосап*, производное от *homo sapiens*. Даже намекать не буду, как немедленно окрестят это всякие неостроумные люди... Хе-хе! Ты не представляешь, до чего предсказуем первый круг ассоциаций даже у неглупых как будто лопухоидов!

– Это точно насчет долларов? – серьезно спросил Эдя.

– Что? Да как ты смеешь, великанчик! Кофейная гуща – мой конек, – заявила фея.

Предчувствуя сенсацию, Эдя схватил карандаш.

– В каком году примут эти самые *гомосапы*?

Фея наморщила лобик.

– В 2050-м, по-моему. Или нет, вру, в 2050-м Россия вновь станет монархией... Значит, где-то в 2045-м, – легкомысленно промурлыкала она.

Сделав на клочке бумаги запись, Эдя покрутил в пальцах карандаш.

– Слишком долго ждать, – удрученно сказал он. – Вот если бы это случилось завтра, тогда совсем другое дело. Еще что-

нибудь у нас есть?

Эдя покрепче ухватился за карандаш. По его лицу забродило вдохновение. Минут через десять он глубокомысленно созерцал столбик предсказаний.

– Всплеск рождаемости – 2012-й. Три года подряд у всех будут рождаться исключительно двойняшки. Тайна вечной жизни – 2018 год... – бормотал он. – Бессмертный роман «Тридцать первый сребреник» – 2019-й. Перенос столицы в Саратов – 2040-й. Москва становится курортным городом после образования в Раменках нового шельфового моря. Вокруг Москвы зеленеют ананасовые и банановые плантации – примерно 2060-й. Чукчи мигрируют на юг и дарят человечеству один за другим семь гениев – после 2065-го и дальше. На Урале появится новая гора высотой в девять километров – 2068-й. Создание мозговых протезов – около 2090-го... О, нет! Если я это озвучу, меня упекут в психушку, причем до того, как в 2034-м все психушки закроют на переучет...

Эдя еще раз скептически посмотрел на бумажку и скомкал ее, правда, почему-то очень осторожно.

– Никуда не годится! «Пророк» этого не возьмет. Таких бредовых предсказаний у него пруд пруди. Чтобы он поверил, нужна изюминка! Событие, которое произойдет в самое ближайшее время. Завтра! Послезавтра! – заявил он.

Двухдюймовочка вздохнула.

– Ну хорошо... Так и быть... Попытаюсь предсказать что-нибудь из ближайшего будущего. Исключительно, чтобы по-

злить сестру. Но учти, великанчик, только посмей после этого стать ее пажом! Еще раз увижу на тебе ее метку – следующая метка будет на твоём гробу! – предупредила она.

Фея вытерла губы и, встав, искоса посмотрела в окно. Эдя услышал, как она бормочет:

– Тэк, что у нас тут?.. Луна в упадке. Венера уже не видна... Ветер северо-западный девять сквозняков в секунду. На фиалке высох третий лист... Первая буква в имени прадедушки этого болвана «В»... Ну-ка, дружок, вырви у себя сколько хочешь волос! – вдруг потребовала она, повышая голос.

– Что, прямо так? – встревожился Эдя.

– Да ты еще и трус? Рви давай! Смелее!.. Магия требует жертв... Сколько вырвал? Считай! Что, девять? Точно девять? Ну тем хуже для тебя...

– Почему хуже? Не получилось? – забеспокоился Хаврон.

– Напротив, все получилось просто отлично! – заверила его Двухдюймовочка. – Слушай, глупый великанчик!.. Завтра из реставрационной мастерской при Пушкинском музее будет похищена картина «Мальчик с саблей» работы неизвестного художника. Она пропадет среди бела дня, из охраняемого помещения, и круглосуточно направленная на нее видеокамера ничего не зафиксирует. Кто-то наденет на нее – на видеокамеру, то бишь! – носок с сохранившимся ценником.

Низко висящая лампа закачалась, задетая взвившимся за-

тылком Эди.

– Когда ограбят мастерскую? – крикнул он.

Двухдюймовочка удивленно подняла брови.

– Ну я же, кажется, сказала: завтра! И еще раз повторяю: не вздумай стать пажом моей сестры! Ты понял, великанчик? Только попробуй служить ей, а не мне, и я превращу твои уши в свиные!.. Эй, ты куда? Я с кем разговариваю?

Но Эдя уже мчался к дверям, словно его преследовал осинный рой.

– Ох уж эти великанчики! Убежал и даже ручку не поцеловал!.. Выпить мне, что ли, коньяку? Пусть у сеструхи башка потом трещит! – мечтательно произнесла Двухдюймовочка.

* * *

Час спустя стеклянная дверь буфета главного корпуса «Стаканкино» отразила стремительно несущегося Эдю. Мимо милицейского поста на входе внизу он пробрался каким-то чудом, примазавшись к группе участников спортивного шоу «Тяни-Толкай». Едва прошмыгнув пищащий металлоискатель, усмотревший грозное оружие в обычных ключах, он нагло удрал от тянитолкаевского ассистента и моментально заблудился в одном из коридоров. Здесь, перейдя с кроссового бега на спортивную трусцу, он отловил за локоть молоденькую секретаршу, дожевывавшую на ходу пе-

сочное пирожное.

– Где «Пророк»? – крикнул Эдя ей в новенькое ухо.

– Шестой этаж. Три комнаты сразу у лифта, – пугливо роня крошки, объяснила секретарша.

Вскоре бывший официант задумчиво созерцал одинаковые железные двери. На первой было: «НЕ БУХГАЛТЕРИЯ! ПОСТОРОННИМ НЕ ВХОДИТЬ!» На второй: «БУХГАЛТЕРИЯ! НЕ ВХОДИТЬ!» и на третьей: «ПРИЕМ ПРЕДСКАЗАНИЙ СТРОГО ПО ТЕЛЕФОНУ!»

Кроме упомянутых надписей, на одной из дверей красовался захватанный график съёмок, на котором кто-то понаставил карандашом язвительных вопросительных знаков.

– Будем считать, что я не посторонний! Я курица, которая снесла для них сенсацию. Они примут меня с распростертыми объятиями, – сказал себе Эдя, с трепетом открывая первую дверь.

Бывший официант наивно ожидал оказаться в творческом пекле, где методом проб и ошибок, в бесконечных дублях и режиссерских криках куется массовое искусство, но, увы, загроможенная столами комната была почти пуста. Лишь у окна происходило какое-то подобие деятельности. За столом, к Эде затылком, сидел молодой мужчина в светлой майке и, страдальчески потея, топтал клавиатуру компьютера двумя пальцами.

– Добрый день! Моржуева не видели? Ведущего, в смысле? – крикнул Эдя, обращая свой вопрос к одинокому затыл-

ку.

Затылок не ответил. Эдя разглядел украшавшие голову мужчины наушники.

– С этим все ясно. Он как три обезьянки сразу: ничего не видит, ничего не слышит и ничего никому не говорит, – прокомментировал Эдя, толкаясь в следующую дверь.

Но, увы, и эта комната его ничем не порадовала. В ней Хаврон нашел лишь одинокого электрика, который, стоя на стремянке, старался не уронить себе на голову пластиковый плафон. Несмотря на теплое время года, шея у электрика была обмотана длинным красным шарфом.

– Приветствую вас! Вы не знаете, где... – начал Эдя, созерцая эту картину.

– Закройте дверь! Сквозняк! Говорят вам, я простужен! – засипел электрик.

Он с такой яростью обернулся к Эде, что стремянка опасно покачнулась. С ее деревянной, заляпанной краской площадочки посыпались лампы дневного света. Не дожидаясь, пока его догонит яростный вопль, Эдя ретировался и, порядком озадаченный, сунулся в третью комнату. Навстречу ему, угрожающе размахивая руками, тотчас устремился курчавый молодой человек с очень красными губами.

– Дорогуша, вы что, читать не умеете? Не бухгалтерия! – простонал он плаксивым голосом, пытаясь выдавить Хаврона наружу.

Эдя осторожно отлепил от себя руки молодого человека и

вытянул их по стойке смирно.

– Без паники! Где пожар? Нету пожара! Моржуев здесь? – сказал он строго.

Красногубый молодой человек озабоченно воззрился на Эдю.

– Андрей Рихардович занят. У него скоро запись. А вы ему, собственно, кем приходитесь? – спросил он с внезапным подозрением, косясь на крепкие плечи Эди.

– Я ему всем прихожусь! Другом, товарищем и братом, – с раздражением ответил Хаврон.

– В каком смысле «товарищем»? – забеспокоился курчавый церберенок.

– Не вибрируйте, юноша! В общечеловеческом. Я должен видеть его немедленно. Перед эфиром. У меня сенсация.

– Дорогуша, тут у каждого сенсация! И хоть бы что-нибудь стоящее! – с облегчением затараторил молодой человек. – Вам нужно было позвонить по телефону и оставить сообщение. Как вы, собственно говоря, сюда попали? Кто вам выписал пропуск?

– Юлий Цезарь, – ляпнул Эдя.

– Юрий Цезаревич? В нашей редакции такой не числится! – заявил красногубый. – Из сего я заключаю, что пропуск у вас нет... Уходите, дорогуша, по-хорошему! Позвоните завтра секретарю строго с десяти до двух и сообщите ему свои предсказания. В другое время их у вас не примут.

– А кто секретарь? – спросил Эдя.

На щечках у курчавого церберенка появились злорадные ямочки.

– Я секретарь. Не мешайте работать! – сказал он.

Эдя почувствовал, что начинает злиться. За спиной у краснотубого он внезапно углядел дверь, сиявшую золотой табличкой «А. Моржуев».

– Говорю вам, у меня сенсация! Мне нужен ваш шеф! – тихо повторил он, загипнотизированно глядя на заветное мерцание.

– А я утверждаю, что он вас не примет, дорогуша! Уходите!

Осознав, что переговоры зашли в тупик, Эдя решительно сдвинул со своего пути молодого человека и, как тигр, бросился к кабинету. Цербер в прыжке попытался вцепиться ему в штанину, но, промахнувшись, трепетно обнял ножку стула. Воспользовавшись этой внезапно вспыхнувшей страстью, Эдя прорвался за заветную дверь.

Служебное обиталище популярного телеведущего смахивало скорее на будуар престарелой красавицы. В углу нежилась итальянский диванчик с выгнутой спинкой. На маленьком столике окруженный одеколонами и пудреницами гипсовый мальчик вынимал из подошвы занозу. Самым забавным, однако, был огромный телефон с трубкой в форме двух целующихся голубков.

Но, увы, это были лишь детали. В кабинете не доставало главного – его владельца. Сколько Эдя ни вглядывался в ита-

льянский диванчик и вертящееся кожаное кресло, еще хранившее на себе отпечаток вельможного сидалища, ему так и не удалось углядеть на них драгоценной плоти Андрея Рихардовича. Телеведущий отсутствовал. Красногубый бульдог охранял пустую будку.

Эдя покинул кабинет и, пройдя мимо церберенка, панически звонившего кому-то по мобильнику, вышел в коридор. Немного поразмыслив, он спустился на один этаж, подошел к самой солидной на вид двери и, воспользовавшись отлучкой секретарши, беспрепятственно толкнулся в начальственную цитадель.

Обставленный по-спартански кабинет был огромен, как футбольное поле. За столом, на котором можно было играть в бильярд, сидел свирепого вида лысый мужчина и просматривал бумаги.

– Вы кто? – спросил он, не поднимая головы.

– Просто человек, – затруднился Хаврон.

– Значит, никто, – утвердительно резюмировал лысый. –

Второй вопрос. Вы знаете, сколько стоит мое время?

Эдя честно замотал головой.

– Тогда я вам отвечу. Я почесал нос – и это ваш месячный оклад. Вам все ясно?

– Я безработный. Выходит, вы почесали нос бесплатно, – парировал Хаврон.

Лысый пожевал губами и потянулся пальцем к какой-то кнопке, однако нажимать не стал, а вместо этого с внезапным

интересом спросил:

– Кто вас прислал?

– Я сам пришел. Ногами.

Чиновник с раздражением оторвался от бумаг.

– Ответ на уровне бреда. Я спрашиваю: где вы были до того, как пришли ко мне?

– Ну... э-э... этажом выше. В комнатах «Пророка».

– Фамилия?

– Чья? Моя? Хаврон!

– Ваша меня не интересует. Того, кто направил!

– Не знаю фамилии. Красногубый. Шелковая белая рубашка в полоску. Он у них секретарь, – с наслаждением на-
ябедничал Эдя.

Чиновник сделал на бумаге пометку.

– Ясно... От меня вам что нужно? Говорите быстро и уходите.

– Я ищу Моржугева.

Лысый пожевал губами.

– С какой целью?

– Я принес ему пророчество.

– И это все? И за такой ерундой вас прислали ко мне?

– Да, – подтвердил Эдя, зримо ощущая сгущающиеся над
церберенком тучи.

Лысый терпеливо взглянул на часы, затем на одну из многочисленных бумажек у себя на столе.

– Подозреваю, что у «Пророка» сейчас запись. Поищите

в гримерке. Второй этаж. Первая студия. Проваливайте! Надеюсь, больше никогда не увидимся! – сказал он почти дружелюбно.

Довольный своей предприимчивостью, Хаврон поспешил ретироваться.

* * *

Знаменитый телеведущий Андрей Рихардович Моржуев сидел перед трюфлем на стульчике, позволяя гримерше пудрить свой просиявший на всю Россию нос. В жизни Моржуев был маленького роста, слегка оплывший и не такой грозный, как на телеэкране. По его увеличившемуся за счет исчезнувших волос челу бродили скептические морщины, стрелы которых Моржуев готовился вскоре обрушить на зрителей с их нелепыми прогнозами.

– И вы тоже? Сколько можно говорить: оставьте меня в покое! Сценарий передачи уже написан! – капризно задребезжал он, когда Эдя втиснулся в гримерную. – Что у вас там? Парад говорящих скелетов? Завтра в Стаканкино вторгнутся легионы мух-бомбардировщиков? Нет?

Ведущий сорвал с плеч полотенце и изящно швырнул его в зеркало. Затем он торжественно поднялся со стула и метнул в Эдю свой козырный испепеляющий взгляд.

– О, небо, нет мне покоя! – воскликнул он трагическим голосом. – Вчера какой-то псих подстерег меня у входа и стал

утверждать, что на лапках у муравьев зашифрован код Вселенной. А на той неделе другой псих пророчествовал, что прилетят инопланетяне и заберут всех, у кого открыты форточки. Вы случайно не из их команды? У вас-то форточка закрыта?

– Нет, – сказал Эдя, – но я точно знаю, что...

Моржуев оборвал его красивым движением руки.

– А вы кто, собственно, такой? – загромыхал он. – Современный Нострадамус? Почему я должен вам верить? И потом зарубите себе на носу, у меня передача еженедельная. Телезрители не будут ждать двести лет, чтобы проверить, перенесут ли столицу в Тынду. Если у вас есть близкие предсказания, выкладывайте. Если же нет, выход вон там!

«Пророк» простер палец, чтобы еще одним эффектным жестом указать Эде на дверь, но эффектный жест был испорчен появлением знакомой красногубой физиономии. За спиной секретаря маячил дежурный наряд милиции.

– Вот он, этот маньяк! Ворвался и напал на меня! Я едва спасся! – шипел секретарь.

Два сержанта и один старшина выдвинулись вперед. Гримерша испуганно выронила кисточку. Андрей Рихардович Моржуев величественно скрестил на груди руки. Выигрывая время, Эдя быстро загородился от милиционеров стулом и предусмотрительно повис на лацканах студийного костюма Моржуева. Оказалось, это была роковая ошибка.

– Мой костюм! Он порвет его! – неожиданно тонко завиз-

жал Моржуев.

Два сержанта и один старшина, сопя от служебного рвения, насели и оторвали ноги Эди от пола. Хаврон благо- разумно не сопротивлялся представителям власти, но вель- можного костюма не отпускал. Красногубый секретарь язви- тельно улыбался.

– Близкое предсказание – вот оно. Завтра из реставраци- онной мастерской при Пушкинском музее будет похищена картина «Мальчик с саблей»! Она пропадет среди бела дня, из охраняемого помещения. Видеокамера ничего не снимет. Кто-то наденет на нее носок. На носке будет ценник! – крик- нул Хаврон.

Моржуев перестал поправлять костюм и с интересом взглянул на Эдю. Старшина и оба сержанта приостанови- лись. Эдя воспрянул было, но взгляд Моржуева уже потух.

– Унесите мебель! – сказал он милиционерам, отворачи- ваясь.

– Не забудьте про мой гонорар! Адрес... Вы не записали адрес! Мне нужны деньги! – крикнул Хаврон, в меру береж- но транспортируемый за дверь.

– Деньги всем нужны!.. Адрес будет в протоколе! – с ма- теринской нежностью произнес старшина.

Глава 2

Пигмей духа

Евгеша Мошкин, Петруччо Чимоданов и Ната Вихрова сидели в каминном зале на Большой Дмитровке, 13 и ждали возвращения Дафны и Мефодия, отлучившихся к таксидермисту за свежими кожами для деловых корреспонденций.

Им было скучно, и от нечего делать Ната стала спрашивать у Мошкина и Чимоданова, влюблялись ли они когда-нибудь.

– Любовь? Для меня это неактуально! Я еще ничего реального не достиг. Подчеркиваю! У меня на это просто времени нет, – фыркнул Петруччо.

– Сейчас доподчеркиваешься! – хмыкнула Ната и грозно шевельнула бровью.

– НО! Не очень-то я и боюсь... Если твоя магия и подействует на меня, то ненадолго! – заявил Чимоданов.

– Почему это?

– Я родился с тобой в один день. У меня изначальный иммунитет к твоей магии. Мне это Улита сказала... Рано или поздно я излечусь и отомщу. Подошлю к тебе целую кучу пластилиновых человечков-убийц! Их будут тысячи! Они ползут из всех щелей, из сточных труб, и у каждого будет в руке отравленная булавка!

Ната поежилась.

– Хватит с меня одного твоего Зудуки! Вечно он спрячется в какой-нибудь угол и пакостит! Недавно напустил мне полный карман зубной пасты! – примирительно буркнула она.

Поняв, что выиграл этот раунд и магия Наты ему не грозит, Чимоданов довольно ухмыльнулся.

– Я вот что думаю. Чем умнее и сложнее существо, тем больше времени проходит с момента, когда оно рождается, до момента, когда влюбляется. Ну, например, хомяк. Ему всего три месяца от роду, а он уже отец. В шесть месяцев – дедушка... А слон только через пятьдесят лет семью заведет.

– Ты у нас что, слон? Спасибо, что признался, – сострадательно заметила Ната.

– То же самое и с людьми, – не слушая ее, продолжал Петруччо. – Иные уже в тринадцать лет остановились в развитии, ну вроде тебя, Вихрова. И что им делать дальше? Учиться неохота. В гроб ложиться вроде рано. Работать еще успеется. Вот и остается только, что влюбляться. Те же, что поумнее, вначале выучатся, в жизни устроятся, а потом уже лет в тридцать – тридцать пять влюбляются. Сам не знаю почему, но всегда так бывает.

Ната посмотрела на Чимоданова сквозь дырочку в кулаке.

– Я тебе вот что предлагаю, – промурлыкала она ехидно. – Когда ты там собрался влюбиться? В тридцать пять? Зачем так рано? Вдруг подучиться не успеешь? Влюбись в семьеде-

сят! А пока возьми мамочку под ручку и устанавливай с ней светофоры...

Чимоданов не нашелся, что ответить, а Ната уже обратилась к Мошкину:

– А ты, Женька? Был когда-нибудь влюблен?

Евгеша пошевелил губами и нерешительно взглянул на нее. Ответ его прозвучал странно.

– А во сне считается? – спросил он.

Челюсть у Наты упала, как рейтинг у политика, случайно съевшего перед камерой живого котенка.

– Как это? Тебе кто-то приснился? Или ты был влюблен во сне?

– Почему был? Я и сейчас влюблен, – серьезно ответил Мошкин и больше, несмотря на все уговоры Наты, ни на какие вопросы не отвечал.

Любопытство Вихровой так и не было утолено. Ей ничего не оставалось, кроме как, прогуливаясь по залу, осматриваться, вертя в руках случайные безделушки и черномагические охранные талисманы.

Зал, недавно устроенный стараниями Арея и помогавшей ему Улиты в буквальном смысле из ничего, находился на втором этаже как раз между комнатами учеников. Четыре двери смотрели попарно одна на другую.

– Вам тут будет неплохо, мои птенчики! В приемной внизу вечно толпится всякая дрянь. Сюда же ни один суккуб не сунется, я уж не говорю о комиссионерах! – сказала Улита.

– Защитные руны? – спросил Мошкин, успевший нахвататься поверхностных знаний.

– Не-а. У нее вон спросите! – сказала Улита и как-то непонятно, не то одобрительно, не то, напротив, с вызовом посмотрела на Дафну.

Та скромно улыбнулась.

– Всего лишь веточка эдемского бука... Завалилась у меня в рюкзаке случайно, а я сунула ее под порог. Духи мрака не выносят наших растений.

– А Арей? Он разрешил? – недоверчиво спросила Ната.

– В маленькой ветке недостаточно сил, чтобы особенно его беспокоить.

– Так он знает или не знает?

– Не то чтобы знает, и одновременно не то чтобы не знает... Скажем, так: закрывает глаза на мелочи, потому что внизу его кабинет, а Тухломон его достал... – произнесла Улита с улыбкой.

Упомянутый разговор происходил накануне вечером, утром же Арей и Улита спешно вылетели в Тартар на какое-то торжество, связанное с горбуном Лигулом. Мефодий особенно не вникал в его суть. Арей сказал, что объяснит все позднее.

Вскоре и Мефодий с Даф ушли. Как уже было сказано, к таксидермисту.

– У меня ведь была не одна кроссовка, нет? Ну сегодня утром? – вдруг спросил Мошкин.

Он уже минуты три сидел с несчастным лицом, набираясь мужества для этого простого вопроса.

– Не одна, – заверила его Ната.

– Ты точно уверена? На все сто?

– На двести с хвостиком.

– Тогда у меня пропала вторая! Никто не видел куда? – пожаловался Мошкин.

– Сам следи за своими калошами, дорогуша! Я тебе не восемнадцатая жена султана, ответственная за обувь, – заметила Ната.

– Я и следил... Разулся всего на минуту, а потом... – Евгеша, виновато и ласково улыбаясь, продемонстрировал носок в белом носке.

– Обожаю смотреть на чужие носки! А если меня стошнит? – поинтересовалась Ната.

Чимоданов хмыкнул. Не далее как позавчера утром он имел возможность наблюдать, как Ната училась гадать по крысиным внутренностям. Однако гадание не заладилось с самого начала, причем, по утверждению Улиты, потому, что Ната, потроша дохлую крысу, жевала резинку.

– Это неуважение. Магия такого не любит, – заметила

Улита.

– Подумаешь... Плевать... – сказала Ната.

Теперь она сидела за столиком, на котором Мария Медичи держала некогда отрубленную голову своего фаворита, и пила чай, размешивая в чашке сахар серебряной ложечкой. Это была ложка знаменитого аптекаря-отравителя, проживавшего в городке N. Тульской губернии в середине XIX века. Рядом лежал маленький колбасный ножик, с которым Яшка-каторжник подстерег на постоялом дворе двух купцов.

Да-да, все предметы в каминном зале имели именно такую невеселую историю. Так, взяв со стола случайный огрызок карандаша, можно было с уверенностью предположить, что либо его воткнули кому-нибудь в глаз, либо Лаврентий Берия, сидя дома на диванчике под фикусом, делал им пометки на служебных бумагах.

Первое время Мефодию и остальным не слишком приятно было находиться среди подобных предметов, однако вскоре они привыкли. Ну стул и стул, стол и стол, нож и нож. Человек так устроен, что ничему не ужасается бесконечно. Какая разница, кто, когда и кого, если дрова в камине, согревавшем некогда великого инквизитора, потрескивают так по-домашнему уютно? Возможно, в этом и состоял план мрака – постепенно, шаг за шагом, уступка за уступкой, размывать способность удивляться и ужасаться, отодвигать границу дозволенного, пока, наконец, дозволенность не станет вседозволенностью.

Из-под стола выскочил Зудука, единственный из рукотворных монстров Чимоданова, которого он взял с собой. Прихрамывая, Зудука направился к Мошкину, за шнурок волоча за собой кроссовку.

– Ты ее нашел! Умница! Хороший мальчик! – умилился Евгеша.

Зудука торопливо ковылял к нему, то и дело зачем-то оглядываясь.

– Не надо! Не советую! – лениво сказал Чимоданов, отрезая ножиком Яшки-каторжника вафельный торт.

– Почему? Это же мое! – удивился Евгеша. Кроссовка уже была в его руке.

Зудука, которого он как раз собирался поблагодарить, не дожидаясь поощрения, удирал со всей возможной поспешностью.

– Я не знаю, что там с твоим ботинком, но на твоем месте я не надевал бы его... – задумчиво продолжал Петруччо.

– Да, но...

– Ты ничего подозрительного не замечаешь? Так и есть! Фитиль тлеет! Кидай его, идиот!

Мошкин послушно бросил. Белая вспышка подбросила кроссовку и разодрала ее в клочья. На шторах заплясали языки пламени. Евгеша затушил их водой, покинувшей графин, стоило ему взглянуть на него.

– Зуду-у-ука! – потрясая кулаками, вопил Чимоданов. – Зуду-у-ка! Я тебя сейчас буду убивать!

Лысый монстр, хихикая, забился под диван, на котором актер, игравший Отелло, переусердствовав, задушил некогда актрису, игравшую Дездемону. Вытащить оттуда Зудуку не было никакой возможности. Для порядка пнув пару раз диван, Чимоданов присел на корточки и поднял с полу пустой коробок. Затем еще один и еще...

– Все ясно. Он натолкал полную кроссовку спичечных головок! Должно быть, планировал большой бабах! – сообщил он.

– Зачем? – спросил Мошкин.

– Да просто так. Он гений вредоносной мысли. Ты его не обижал, нет? – поинтересовался Чимоданов.

– Нет. Я на него и не смотрел! – сказал Мошкин, теряя уверенность с каждым следующим словом.

Петруччо кивнул.

– Ясно, – сказал он.

– Что ясно?

– Он обозлился, что ты не обращал на него внимания. Зудука ужасно самолюбивый.

– И в кого бы? – хмыкнула Ната. – Хозяин-то у него сплошное «н-но!» с двойным подчеркиванием.

Ната встала и, подойдя к зеркалу, стала внимательно себя разглядывать. Делала она это не так, как мальчишки-подростки и их отцы, то есть статично, ничего в себе не меняя и лишь визуально оценивая ширину плеч и как сидит костюмчик, а очень деятельно, по-женски. Руки ее порхали, то по-

правляя волосы, то озабоченно касаясь разных участков кожи, которые, должно быть, казались ей проблемными.

– И как вам здесь? Этот дом в центре и прочие несуразности? – спросила она томно.

– Ничего себе... Если забыть, что недавно нас чуть не прикончили, – сказал Чимоданов. – Опять же монстров ни от кого прятать не надо!.. Даже если Зудука тут все стены разнесет, Арей только хмыкнет. А дома телевизор разобьешь случайно, так со свету сживают... «Думай о своих поступках! Тебе что, дорожные знаки в коридоре ставить?» И все такое... А я что, виноват, что Зудука пилу нашел? А-а?! Ты зачем ножки у тумбочки подпиллил, негодяй?

Петруччо вновь пнул ногой диван. Под диваном завозились.

– А по матери скучаешь? – спросил Мошкин.

Чимоданов неопределенно пожал плечами.

– Я ее вижу пару раз в неделю. Мне хватает. Я думал, она не смирится, что я в гимназии какой-то учусь, но Глумович ее ужасно очаровал! Вступил к ней в гражданскую комиссию! Считает светофоры на Тверской, письма переводит на английский, а недавно открутил где-то знак «Кирпич» и преподнес ей вместе с букетом, – зевнул он.

– А если у твоей мамы как-нибудь хватит фантазии нагрязнеть в гимназию, навестить тебя там?

– Не думаю. Арей поклялся, что у нее даже мысли такой не возникнет, – уверенно сказал Петруччо.

– А тебе, Мошкин, как тут? – спросила Ната.

Евгеша честно задумался.

– Не знаю. Не привык еще. Хотя Арей говорил, что, кроме воды, я, возможно, через пару лет смогу управлять огнем. Это похоже, надо только схватить суть... Главное – начальная магия и дар стража. Остальное же здесь! – он коснулся пальцем лба.

– А тебе-то самой тут как? – спросил Чимоданов.

– Тут прикольно, – сказала Ната. – Лучше, чем дома. Здоровенная комната с дубовым засовом. Никто к тебе не суется.

– Не скучаешь?

– Издеваешься? Меня домой не тянет! У меня вообще дома по сути не было, – заявила Ната.

– Как это?

– Да так. У мамы новый муж. Весь такой «равняйся-мирно!». Лезет указывать, как мне одеваться. «Это неприлично! С какой прической ты ходишь?» Ну и все такое. А тут еще сестра старшая замуж вышла. Если у матери муж солдафон, то у этой придурок. Поставил пароль на компьютер. Берет без спроса мои кассеты и пишет на них какую-то свою муть.

– И сколько у вас комнат?

– Две, – сказала Ната.

– Ого. Весело тебе! А ты не думала, чтобы их... ну ты понимаешь? – произнес Петруччо.

– Зомбировать? Издеваешься? И куда бы я потом от этих

двух павианов делась? Они и так друг друга ненавидят. У матери муж солдафон такой весь, а у Инки муж от армии уклоняется.

Ната сказала это так пренебрежительно, словно ее мать и сестра были замужем не за людьми, а за какими-то надоедливými тараканами. Мошкин подумал, что лучше ее сейчас не жалеть. Только схлопочешь по носу за жалость.

Взгляд Наты задумчиво остановился на двери Мефодия.

– Кстати, кто что думает о Буслаеве? По-моему, он ничего, нормальный парень, хотя эта девчонка, что с ним... пфэ-ээ...

– Ты о Даф? – спросил Чимоданов мечтательно.

– Ну да. Какая-то ходячая нелепость! Как она глазки-то щурит, когда злится! Я мол, добрая вся такая, но вы меня довели. А пафос? А рюкзачок? А кот с крылышками бройлерного цыпленка! А балалайка в кобуре?

– Подчеркиваю: это флейта, – сухо сказал Чимоданов.

Что бы там ни говорила Ната, Дафна ему нравилась. А вот Мефодий нравился значительно меньше. Хотя ничего удивительного. Люди гораздо более снисходительны к существам противоположного пола. Им охотно прощается все то, за что собственный пол давно размазали бы по стене.

Ната посмотрела на Чимоданова очень кисло.

– Исподчеркивался уже. Я, вообрази, догадывалась...

– Похоже, ты провоцируешь нас на неодобрение. Ты уверена, что это правильный путь? – сказал Мошкин. Как боль-

шинство робких, склонных к задумчивости людей, он был очень неглуп и наблюдателен.

— А ты, дылда, прыгай на одной ножке и молчи в тряпочку! Носок запачкаешь! — нахмурилась Ната.

Из-под дивана выполз Зудука, державший в зубах нечто вроде мухобойки на длинной ручке, широкий конец которой был весь утыкан гвоздями, и стал подкрадываться к Нате. Чимоданов незаметно показал ему кулак. Картинно разыграв недоумение, Зудука уселся на пол и ручкой мухобойки стал чесать спину.

* * *

Мефодий с Дафной вернулись часов в десять вечера. Брезгливо свалив в угол дюжины три крысиных шкур и две собачьи, Мефодий долго мыл руки.

— А мы в Эдеме пишем на бересте, легкой и прекрасной. Или на папирусе. Или на листьях эвкалипта. Пишешь и ощущаешь благоухание! — дразня его, сказала Даф.

— Береста — это кожа берез. Если так, то я предпочитаю хорошо освежеванную крысу, — проговорил Мефодий и наклонился, делая вид, что хочет вцепиться зубами в крысину шкуру.

Дафна испуганно отшатнулась. Депресняк, случайно задремавший у нее на плече, свалился в винный фонтан и, выскочив из него, липкий, противный, стал носиться по прием-

ной, опрокидывая все, что можно было опрокинуть в теории и на практике.

Услышав шум, Ната, Чимоданов и Евгеша Мошкин спустились вниз.

... Часа через два прибыла Улита. Одна. Она была бледной, уставшей. Выглядела скверно. Ее полное, обычно румяное и упругое лицо походило на шар со вчерашнего праздника, который уже начал спускать воздух. Под глазами залегли синие тени. Едва телепортировав, она поднялась в каминный зал, подошла к креслу и рухнула в него без сил.

Даф молча толкнула Мефодия локтем.

– Арей! – шепнула она. – Почему она одна?

– Вижу, – отвечал Мефодий.

У него хватало ума не лезть с расспросами.

Любопытный Чимоданов несколько раз обежал вокруг кресла, пытаясь обратить на себя ее внимание.

– Кгхм! Как съездили? Где отчетик для коллектива? Представишь?

Улита подняла голову и посмотрела на него пустым взглядом. Казалось, она вообще смутно понимает, кто перед ней.

– Что-нибудь пакостное, а? Подчеркиваю: я ведь теперь тоже страж, а? – продолжал Петруччо.

Из-под его тонкого свитера выглядывали болтающиеся ноги Зудуки. Несмотря на свою склонность устраивать пакости, монстр боялся оставаться один. Не обладая голосовыми связками, он изыскивал другие способы выражать свой ужас.

Например, находил пустую кастрюлю и колотил по стенам до тех пор, пока все соседи, имевшие счастье это слышать, в свою очередь не начинали биться головой о стены.

Темноты он, кстати, тоже боялся и ночевал с Чимодановым в одной кровати. Это давало Нате повод заявлять, что демонический Петруччо спит с плюшевым зайцем.

– Так где Арей? Чего ты вся такая дохлая?

– Исчезни! Я встану – ты ляжешь! – сказала Улита сквозь зубы.

Упорный Чимоданов не отставал. Тогда Улита действительно встала. А Чимоданов действительно лег, отброшенный неведомой силой на несколько метров. Ведьма при этом – Мефодий и Даф готовы были поклясться – не шевельнула даже пальцем.

Расправившись с Чимодановым, Улита тяжело приблизилась к зеркалу и посмотрела на себя. То, что она увидела, стало последней каплей. Ведьма снова упала в кресло и разрыдалась – судорожно, с подвываниями и всхлипами. Стены задрожали. Одна из них дала трещину. Внезапный ураган пронесся по Большой Дмитровке. Надул рекламные полотнища, вырвал несколько зонтов, прошерстил книги на столике у букиниста, разбил дюжину форточек, осыпав стеклом проезжую часть, и вызвал несколько мелких аварий.

Меф, Мошкин и уже не лежащий, а сидящий на полу Чимоданов немедленно стушевались. Бурные переживания ведьмы были не для их хрупкой нервной системы. Даф и На-

та же немедленно бросились успокаивать Улиту и отпаивать ее. В такие минуты девчонки, как заметил Мефодий, действуют гораздо более толково и с большим опытом. Чужие слезы, даже самые неутешные, не пугают их так сильно.

Минут через десять всхлипывания Улиты начали слабеть. Она встала, подошла к стене и одним движением руки сорвала со стены ковер. Мефодий увидел большой, до блеска отполированный камень, с единственной, длинной и кривой трещиной, рассекавшей его с левого верхнего угла до нижнего правого.

– Не хотите спросить меня, что это? – спросила ведьма глухо.

– Гробовая плита, – не задумываясь, ответил за всех Мефодий.

Он успел уже привыкнуть к своеобразной стилистике их заведения.

– Точно. Не только у магов есть зудильники. Не хотите посмотреть выпуск новостей? Об этом они не могут не сказать... – произнесла Улита и вновь всхлипнула. Однако всхлип этот, к счастью, не перерос в истерику. Чтобы рыдать в полный голос, нужны силы. Их у Улиты уже не было.

Могильная плита окуталась плотным зеленоватым туманом. Сквозь туман смутно проступило обрюзгшее лицо.

– Зубы мне землей испачкали? Червей в уши пересадили? Снова нет?.. Гримера на мыло!.. Как! Вчера еще? Ясно теперь, почему мыло с утра было такое кошмарное!.. Надеюсь,

хотя бы нашли самоубийцу, которая поднимет мне в финале веки? Как передумала и убежала? О я несчастный! Опять все делать самому... Что вы там шепчете? Съёмка?.. Прошу прощения, господа! В эфире Веня Вий и его аналитическая программа «Трупный глаз».

На этом месте Веня, как обычно, сделал паузу и улыбнулся в объектив, обнажив жуткие, с прозеленью зубы – те самые зубы, знакомство с которыми подвело последнюю черту в жизни множества стоматологов. Да-да, тех самых стоматологов, которых он обожал посещать в свободное от работы время.

– Новости, как известно, бывают тройские: сенсации, просто новости и скверные новости, – продолжал Вий. – Начнем со скверных. Грызиана Припятская вновь получила главный приз, как ведущая года... Что ж, старость – хо-хо! – должна быть награждена по заслугам. Лично я не завидую Грызиане, тем более что призом стала всего-навсего очередная вещая мумия фараона. Чтобы она совсем не зачахла и продолжала вещать, надо кормить ее с пипетки и хотя бы раз в неделю спать с ней под одним одеялом. И вообще передачи Грызианы в последнее время не так удачны, как программы, скажем, Гробыни Склеповой. Вынужден это признать, хотя эта девица и позволяла себе накатывать на меня в духе: «Открой глазки – протянешь ножки!» Очень смешная шутка, девочка, очень смешная! Примерно с таким же рвением просил меня открыть глазки один врач-окулист.

Тяжелые веки Вия угрожающе дрогнули и поднялись на одну десятую часть. Сотни зрителей с воплями кинулись прочь от экранов, однако дальше дело не пошло. Веки вновь опустились под собственной тяжестью и грузом налипшей земли.

– Прочие новости: продолжаются поиски феи Трехдуюмовочки, подозреваемой в краже артефакта из хранилища. Пикантность ситуации усиливается тем, что никто не знает, какой именно артефакт похищен и чем это может быть чревато. Учитывая, что на Лысой Горе Трехдуюмовочку так и не нашли, с сегодняшнего дня ее ищут в мире лопухоидов. Наши доблестные боевые маги, естественно, докладывают, что круг поисков сужается. Еще бы – земля-то круглая.

И, наконец, сенсация! На Лысой Горе с интересом следят за последними событиями в мире стражей света и мрака. После окончательной гибели Кводнона существует всего одна личность, которая теоретически может занять его место. Это всем известный наследник мрака Мефодий Буслаев. Учитывая, что этот одаренный подросток не так давно расстался с пистолетиками и машинками, высший совет мрака собрался сегодня утром для принятия решения. А дальше, друзья мои неверные, смотрите во все глаза! Вы сможете увидеть, как все было... Кадры, разумеется, были отсняты скрытой камерой. Оператор впоследствии... э-э... вынужден был прервать съемку. Прошу!

Веня Вий щелкнул пальцами. Могильная плита заряби-

ла. Мефодий увидел длинный, бесконечно длинный стол. Завершался стол короткой, как палочка буквы «Т» переключенной. Там-то на невзрачном, канцелярского вида стульчике, в одиночестве сидел горбун Лигул и грыз ногти. Вот он поднял голову, ухмыльнулся и зычно крикнул:

– Создать всех!

Не смолк еще его голос – соринками, мелкой рябью, скомканной пленкой из-под сигарет замелькали в воздухе духи-курьеры. И минуты не прошло, как захрюкали по углам комнаты порослячьи рыла комиссионеров. Облизываются морды, блестят черные выпуклые глазки, топорщится щетина на рылах, кучерявится из ушных раковин жесткий волос. Внимательные, приглядываются друг к другу. У всех рты узкие, прямые, как щели копилки. Большое у них, сволочат, подсиживание – мест и так не хватает, а из Тартара, что ни год, реестрик на сокращение приходит. Вот комиссионеры и крутятся. Только кто-нибудь один рот откроет, остальные уже его слова в тетрадки ловят. Даже теперь к груди у каждого прижат листочек, который он спешит подать Лигулу лично или хотя бы положить на край его стола.

– Вон пошли с доносами! Не до вас сейчас! – рявкнул горбун.

Не успели согнуться комиссионеры, как из окон, шкафов, дверей, оттирая друг друга, полезли суккубы. Они кокетничали, мельтешили, хихикали, охали и лезли целоваться. Перед Лигулом, облаченным в парадные регалии, суккубы при-

седали на задних лапках и тихо млели.

Кого-то в тесноте неосторожно притиснули, и он громко взвизгнул. Визг тотчас потонул в недовольном ропоте собравшихся, усмотревших в нем попытку привлечь внимание к своей персоне.

Внезапно вся мелочь отхлынула. Прибыли бонзы мрака: начальники всех национальных отделов с секретарями и свитой. Длинный стол заполнился так, что и горошине негде было упасть. Среди толпы мелькнули на мгновение и Арей с Улитой.

Мефодий оглянулся на ведьму. Та сидела белая как бумага. Он ободряюще коснулся ее ладони. Улита слабо улыбнулась, благодаря.

Камера снова остановилась на Лигуле. Заложив большие пальцы рук за пояс брюк, он, точно щупальцами спрута, шевелил остальными. Начальники отделов ждали. По адской Канцелярии разливалась сосущая тишина.

Наконец Лигул крикнул и хлопнул в ладоши. В тот же миг на столе перед ним возникла огромная серебряная чаша, наполненная чем-то густым, красным, пугающе понятным. Сняв с шеи большую медаль на цепочке – медаль, в чеканке которой угадывалось чье-то лицо, Лигул поднес ее к чаше и, разжав ладонь, уронил на дно. Все глаза были обращены к нему. Взяв чашу обеими руками, начальник Канцелярии стал жадно пить. Кровь текла у него по щекам и шее, заливая парадный костюм.

Наконец чаша опустела. Лигул достал окровавленную медаль и озабоченно, как показалось Мефодию, всмотрелся в нее. Затем вдруг вскинул руку с медалью над головой и захохотал. И тотчас восторженные дикие крики, вопли, хохот, в которых не было и не могло быть ничего человеческого, охватили весь зал.

Объектив скрытой камеры, попытавшийся крупным планом поймать медаль, внезапно заметался. Изображение дрогнуло, послышался короткий крик. Камера упала и лежала на боку, снимая ноги. Вскоре в кадре появилась рука, держащая за волосы отрубленную голову с большой бородавкой на носу.

– А ну-ка, улыбочку в кадр! Еще один оператор с Лысой Горы думал, что его спасет плащ-невидимка! – удовлетворенно произнес чей-то голос.

На объектив наступили сапогом. Все исчезло. Для скрытой камеры наступила вечная ночь.

На экране зудильника вновь появился Веня Вий. В его пухлой синеватой руке был зажат черный платок, которым он смахивал с закрытых век слезы, существующие лишь в его воображении.

– Смерть на работе! Как это трогает мозолистые сердца начальства! Теперь вы понимаете, что я имел в виду, говоря, что оператор вынужден был прервать съемку? Ах-ах! Это был мой лучший упырь. Отважный и совершенно безбашенный сотрудник. Безбашенный, увы, уже в буквальном смысле.

ле слова. К счастью, все, что было отснято, немедленно передавалось по телепатическим каналам в наш центр... А теперь, друзья мои, если вам интересно, Веня сообщит, чем закончился высший совет стражей мрака и что он решил. Первое: горбун Лигул теперь не только глава Канцелярии, но и временно исполняющий обязанности повелителя мрака. До сих пор эту должность номинально занимал Кводнон, который ныне окончательно выбыл из игры.

– Откуда он все это знает? – поинтересовался Мефодий.

– Кто-нибудь из комиссионеров, небось, прельстился. Маги неплохо платят за интересующие их сведения, – равнодушно сказала Улита.

– Чем платят? Деньгами? – спросил Чимоданов.

– При чем тут деньги? – ответила Улита с глубочайшим презрением.

Веня Вий на экране растиражированно-заученным жестом смахнул с манишки приставшую землю.

– Продолжаю! Скорость оподления Мефодия Буслаева признана мраком недостаточной. Наличие у него собственного – непроданного и незаложенного эйдоса – признано возмутительным. Решено назначить ему до совершеннолетия нового опекуна. Подозреваю, что им станет либо сам Лигул, либо кто-то, кого он назначит на эту должность. Старый опекун, мечник Арей, осужден и отправлен в ссылку в Нижний Тартар. На требование отдать меч Арей ответил отказом. В результате при его аресте освободился ряд вакансий

в некоторых отделах мрака.

– Арей схвачен? – спросил Мефодий, не веря.

– Он зарубил трех стражей, но потом его все равно обезоружили! Видел бы ты, как он уходил! Лев, окруженный шавками! А они все прыгали и кричали: смерть ему! – всхлипывая, ответила Улита.

– Да, ловко все устроено! Лигул воспользовался гибелью Кводнона и присвоил власть до совершеннолетия Мефодия. Причем Мефодия Лигул будет воспитывать сам, или тот, кого он пошлет! – оценил Чимоданов, успевший вникнуть в основной расклад сил.

– Но почему Арея не казнили? – спросила Дафна. Ей были известны нравы темных стражей, очень далекие от сентиментальности.

– Лигул не посмел. Подозреваю, он слегка боится. Не сейчас, а на будущее, на всякий случай. Мало ли как все обернется! По этой же причине он сохранил мне жизнь и даже позволил покинуть Тартар. Вот уж чего не ожидала! – сказала Улита с презрением.

– Кого боится? – уточнила Даф.

Ведьма не ответила, лишь быстро скосила глаза на Мефодия. Дафна вздохнула. И угораздило же ее полюбить человека, которого боится даже начальник Канцелярии мрака! И не только полюбить, но связать с ним свои крылья и свою вечность.

Сильные удары сотрясли дверь приемной.

– Кто еще там? Мы никого не ждем! – сказала Ната с беспокойством.

Удары не стихали. Они не становились яростнее, а словно пакостнее. Так стучит тот, кто отлично знает, что его слышат и рано или поздно откроют. Это был стук хозяина положения.

– Впускать будем? – поинтересовалась Даф.

Улита медленно покачала головой.

– Нет.

– Почему?

– Если это лопухоид – его остановит руна. Если же нет – войдет и сам... – ведьма не договорила и махнула рукой.

Послышался звук открывшейся двери. Похоже, тому, кто стучал, надоело ждать у моря погоды.

– Нет, не лопухоид... – тихо сказала Даф, наблюдая, как спина Депресняка приобретает сходство с вопросительным знаком, а короткий кожистый нос прорезают три глубокие складки.

Улита молчала. Все, включая Депресняка и Зудуку, внимательно слушали, как внизу в приемной кто-то ходит шаркающей и разболтанной походкой. Вот он отодвигает стул, вот открывает дверь в кабинет Арея и походя заглядывает в него. Вот шаги приближаются к внутренней лестнице. Заскрипели расшатанные дубовые перила. Послышался булькающий кашель. Казалось, снизу по лестнице ползет что-то мерзкое, отвратное.

Первым, к удивлению Мефодия, сдали нервы не у Евгeши Мошкина, а у Чимоданова.

– Ты можeшь начертить руну невидимости? Сделай что-нибудь! – шепнул он Дафне.

– Бесполезно. Он уже понял, что мы здесь, – заметила Даф.

– Кто же это?

– Подозреваю, что новый опекун нашего Мефочки! Легок на помине! – скрестив на груди руки, мрачно сказала Улита.

Глава 3

«Мальчик с саблей»

Ирка сидела на скамейке в том месте за Цветным, где московские бульвары круто забирают наверх, и думала, как ей распорядиться своим бессмертием. Скамейка была самая неудобная. Все доски, кроме двух, отсутствовали у нее напроц, и Ирка все время проваливалась в дыру, стоило ей, забывшись, чуть откинуться назад.

Конечно, можно было пересест, но на всех соседних скамейках уже сидели компании, и, таким образом, приходилось либо оставаться на увечной скамейке, либо пожертвовать одиночеством. Из этих двух зол Ирка выбрала то, что представлялось ей, как сугубой индивидуалистке, меньшим.

И хотя перед ней лежала восхитительная, новенькая, едва ли не в упаковочной бумаге, вечность, мысли Ирки были самые печальные. Она думала о Мефодии, который любит дружгу, о Бабане, и о том, что сказал ей вчера вечером Антигон.

— Силы валькирий огромны, не будь я мерзкий монстр! — заявил он, самодовольно разглядывая свое отражение в луже. — Валькирии могут сделать все для других, но ничошеньки для себя. Однажды применив свои способности в собственных интересах, валькирия лишится их...

— Всего однажды? — помнится, с ужасом переспросила Ир-

ка.

– Да, кошмарная валькирия, так и есть. Ты не расчешешь мои ужасные бакенбарды? Это так омерзительно, что я всегда с нетерпением жду этой минуты! – попросил Антигон.

«Я могу все для других и ничего для себя. Что смогло бы лучше обуздать всемогущество? Правда, у меня есть живые ноги, полеты и возможность ночью пробежаться по лесу белой волчицей. В сущности, это уже немало», – размышляла Ирка.

Внезапно, подняв голову, она обнаружила, что ее одиночество нарушено. Возле нее крутился молодой человек, отколовшийся от одной из компашек. Довольно симпатичный, если сравнивать с австралопитеком, и немного старше Ирки. Он только что закончил разглядывать ее колени и лицо, и теперь то отходил, то приближался. В целом же вел себя как пес, которому бросили мясо прямо со сковородки. И схватить хочется, и обжечься боязно.

«Надо же, а раньше всем было на меня плевать!» – подумала Ирка, пожалуй, слегка польщенная. Молодой человек ей совсем не нравился, но все же интересно было послушать его. В конце концов к ней приставали на улице второй раз в жизни. Первый раз это сделали два глуповатых парня у метро.

Увидев, что его присутствие замечено, молодой человек набрался храбрости и сообщил Ирке, что у нее развязался шнурок.

– Ничего лучше нельзя было придумать? – проворчала Ирка, но все же, машинально взглянув вниз, обнаружила, что шнурок действительно развязался.

– Спасибо! – сказала она.

Обрадованный молодой человек немедленно стал развивать успех и спросил, что она думает по поводу любви с первого взгляда.

Ирка сказала, что ровным счетом ничего не думает.

– А какую музыку ты предпочитаешь слушать?

Ирка, не вдаваясь в подробности, заверила его, что преимущественно негромкую. Молодой человек, у которого пропали две прекрасные заготовки, стушевался и поспешно прибегнул к третьей:

– А ты случайно не меня тут ждешь?

Ирка заверила, что он поразительно прозорлив. Она *случайно* ждет *не его*.

– А-а-а! – протянул молодой человек в замешательстве. Не зная, что еще сказать, он сообщил, что его зовут Рома, и спросил, сколько Ирке лет.

– Я стара как мир! – проговорила Ирка, думая о возрасте валькирий.

– Рассказывай сказки... Тогда я стар как два мира! – воскликнул Рома.

– Ты имеешь в виду этот и параллельный? Вообще-то на вид тебе лет шестнадцать... – заметила Ирка.

– Семнадцать! – обидчиво поправил Рома. – А ты ка-

кая-то... ну типа... не того...

– Что «какая-то»? – заинтересовалась Ирка.

Ей было любопытно услышать о себе что-нибудь новое. В конце концов единственный человек, которого ты не способен трезво оценить, это ты сам.

– Ну, короче, какая-то не такая...

Ирка поморщилась.

– С данным тезисом я уже ознакомлена. С этого места, пожалуйста, сложными двусоставными предложениями со множеством второстепенных членов! И какая я?

– Ну слова всякие говоришь... ботаничка!

Ирка вздохнула. Увы, для нее это была не новость.

– Ты угадал. Нет смысла использовать заезженное клише. Я именно это и есть! И, между прочим, на твоем месте я бы прямо сейчас смылась.

– Почему?

– *Почему-ито*. К нам идет мой старший брат! – ласково улыбаясь, сказала Ирка.

– Да уж. А дедушка твой к нам случайно не идет? – издевательски поинтересовалась Рома.

– Ну как хочешь. Я предупредила, – вздохнула Ирка.

Смутно уловив в ее тоне нечто особенное, Рома снисходительно повернул голову. У него за спиной, скрестив на груди руки, стоял Эссиорх и разглядывал его с мрачной любознательностью ученого, ставящего опыты на морских свинках. Впервые хранитель был не в кожаной куртке, а в белой об-

легающей майке, отлично демонстрирующей его рельефную мускулатуру. Пряжка ремня в форме руки скелета поблескивала тускло, но многозначительно.

Рома издал звук, который могла бы издать моська, обнаружившая вдруг, что за ней с бензопилой в хоботе бежит окончательно утративший терпение слон. Начинаящий ловелас с воплем перемахнул через скамейку и растворился в трех с половиной деревьях бульвара так успешно, словно это был вековой лес.

Эссиорх его, разумеется, не преследовал. Он озабоченно посмотрел на мотоцикл, стоявший поодаль прямо на траве бульвара, и опустил на скамейку рядом с Иркой.

– Привет! – сказал он.

– Привет! – ответила Ирка.

Они не виделись уже недели три. С того самого дня, как хранитель мчал ее на мотоцикле по ночной Москве. Но, несмотря на кратковременность их прошлого знакомства, теперь оба внезапно ощутили себя старыми друзьями и очень обрадовались встрече.

– Как ты? – спросил Эссиорх.

– Нормально.

Эссиорх внимательно посмотрел на нее.

– Привыкаешь? – спросил он будто невзначай.

– Привыкла.

– А волчица и лебедь?

– У нас с ними полное взаимопонимание, – сказала Ирка.

Тут она немного лукавила. Взаимопонимание у нее было только с лебедем. С волчицей же речь шла скорее о вооруженном нейтралитете. Порой, особенно в лунные ночи, волчица упорно старалась захватить власть, и только воля человека обуздывала ее.

– А как твой ужасный монстр с бакенбардами? – с улыбкой спросил Эссиорх.

– Антигон? М-м-м... Короче, он сейчас грабит один магазинчик, – застенчиво сказала Ирка.

– ЧТО? – изумился Эссиорх.

– Думаю, хозяева магазина это переживут! На самом деле он проник на склад и там где-то за коробками ест варенье, – улыбнувшись, пояснила Ирка.

Не так давно у домового кикимора обнаружилась слабость. Слабость простительная, но вместе с тем непреодолимая. Он испытывал огромную тягу к вареньям и джемам. Дней пять-шесть он еще мог крепиться, но после не выдерживал и на несколько часов пропадал в каком-нибудь магазине, где съедал разом две-три-четыре банки. Затем пел песни, полдня отсыпался и лишь потом, виновато шмыгая пористым, похожим на небольшой лимон носом, являлся к Ирке. Звать же его в этот запойный день было совершенно бесполезно. Антигон не явился бы даже в том случае, если бы Ирку должны были казнить.

– Весело, – сказал Эссиорх. – Это все земные страсти! Никуда от них не денешься. Лопухоидный мир умеет привле-

кать и удерживать. Он опутывает привязанностями, точно паутиной. Ты стараешься думать о вечном, и вдруг ловишь себя на том, что мысли все время сбиваются на новый глушитель или что нужно поменять резину хотя бы на заднем колесе.

– Кошмар, – посочувствовала Ирка. В мотоциклах она понимала мало, но тон Эссиорха убедил ее в том, что это что-то важное.

Ее внимание поощрило хранителя.

– Еще бы! Если бы ты только знала, как редко попадается неудачливая резина и особенно неудачливый бензин! – пожаловался он.

Оба замолчали. Эссиорх думал о колесах и резине, а Ирка – кажется, она ни о чем не думала – просто смотрела на солнце, которое висело прямо над крышами.

– Я еще не говорил тебе? Я тут комнату снял позавчера! – вдруг сказал хранитель. – Странно, что я говорю об этом первой тебе, а не Даф. Должно быть, потому, что я получил строгое предписание не встречаться с Дафной до особого распоряжения.

– Почему?

– Арей схвачен и вновь сослан, у Мефодия новый опекун, и вообще дом на Большой Дмитровке окружен теперь таким сгустком мрака, что и близко не стоит соваться. Любой посторонний контакт будет замечен. Надеюсь, у самой Даф окажется достаточно света внутри, – озабоченно сказал

Эссиорх.

Ирка была польщена его доверием. Это означало, что для всеведающего хранителя, чутко замечавшего любые изменения в человеке, Ирка и свет неразделимы.

– А что за опекун у Мефа?

Эссиорх провел большим пальцем по шее, показывая, что умереть и не встать. Хуже не бывает.

– Ясно... Так ты говорил, что снял комнату... – сказала Ирка.

Она внезапно вспомнила, что Мефодий любит другую, и обида заставила ее переменить тему. Пусть сам разбирается со своими опекунами. Какое ей теперь дело до него?

– Комната неплохая. В центре. Рядом Чистые пруды. Правда, окно во двор и ничего не видно, кроме стены соседнего дома, но если немного сосредотчиться и представить, что сразу за этой стеной прекрасный пейзаж, на душе становится легко... Опять же неплохое место, чтобы парковать мотоцикл, – сказал Эссиорх не без гордости.

– А где ты досташь деньги, чтобы платить за комнату? – спросила Ирка.

Она уже успела уяснить, что создания света не имеют права владеть деньгами, разве что те совсем уж сами свалятся с неба, что происходит крайне редко.

Эссиорх вздохнул.

– Видишь ли, – сказал он с некоторым сомнением в голосе. – Тут случай особый. Хозяин комнаты человек такого ро-

да, что давать ему деньги было бы несчастьем. Прежде всего для него самого. Он бы их немедленно превратил в жидкость определенного рода.

– Алкаш, что ли? – уточнила Ирка.

– Никогда не надо плохо говорить о людях. Свет не может позволить себе кого-либо осуждать. Просто слабый человек, – укоризненно сказал хранитель.

– И как же ты выкрутился? Не скромничай! Я знаю, что ты что-нибудь придумал! Признавайся!

– Ну-у... – протянул Эссиорх с легкой улыбкой. – Я немного перенастроил его организм и научил его получать удовольствие от слез! Он плачет – и испытывает то же самое, что испытывал, когда выпивал стаканчик-другой. Теперь он плачет целыми днями, даже ночью, но рано или поздно слезы вымоют из его организма зависимость от алкоголя, и он получит исцеление!

– А пока он плачет, ты поживешь в его комнате?

Эссиорх кивнул.

– Вроде того. Если хочешь, заедем ко мне в гости. Мне необходимо кое-что показать тебе... Если со мной что-то случится, кто-то еще из светлых должен знать... – сказал хранитель, разглядывая свою могучую руку со следами машинного масла под ногтями.

– А с тобой что-то может случиться? – напряглась Ирка.

– И нет, и да. Сейчас говорить об этом преждевременно, – загадочно ответил Эссиорх. – И вообще разговор о делах

можно немного отложить. Для начала я познакомлю тебя со своим соседом по квартире.

– Он мне понравится? – спросила Ирка.

– Не сомневаюсь. Его фамилия Фатяйцев. Разносторонняя личность. Бывший цирковой клоун. Бывший жонглер. Бывший администратор. Бывший продавец шаров. Отчасти поэт. Кстати, не бывший, так как это единственное состояние, которое не боится времени. Да и просто хороший человек.

– Тогда заедем. Хороший человек – самая понятная из всех профессий, – согласилась Ирка.

Эссиорх завел свой мотоцикл. На этот раз он грохотал не так сильно, ибо успел обзавестись глушителем и даже номерным знаком. Ирка ощутила легкое разочарование. Прежде у мотоцикла Эссиорха был не такой добропорядочный вид.

Правда, минуту спустя выяснилось, что ездит Эссиорх по-прежнему как камикадзе, и Ирка успокоилась. Вскоре мотоцикл влетел во двор и остановился у низкого трехэтажного дома старинной постройки. Дом, некогда, вероятно, желтый, ныне был пегого цвета и выделялся лишь парочкой кондиционеров на первом этаже, которые на этом дряхлом мастодонте выглядели, как новые модные очки на лице у пещерного жителя.

Эссиорх поднялся на третий этаж и остановился у двери, обитой черным дерматином, которую снаружи перехлестывала проволока. Такие двери были в большой моде лет сорок

назад. Считалось, что обшивка не пускает в квартиру звуки и злобные сквозняки.

Впрочем, для Эссиорха, привыкшего мыслить более круглыми числами, сорок лет были все равно как позапрошлый вторник. Задумчиво посмотрев на дверь, хранитель принялся хлопать себя по карманам.

– Ну вот, опять забыл ключ! – сказал он. – Ну ладно! В самый последний раз! Ты ничего не видела! Это не заурядный взлом, а необходимость!

Он легко коснулся замочной скважины пальцем. Ирка услышала, как щелкнул замок. Перешагнув порог, они оказались в длинном темном коридоре. В другом его конце виднелось пятно света.

– О, Фатяйцев дома! Более того: он на кухне! Это очень ценное дополнение! – сказал Эссиорх с энтузиазмом и, схватив Ирку за руку, потянул ее за собой.

Сосед Эссиорха действительно был дома. Он сидел за столом, держа в правой руке шариковую ручку, а в левой вилку. Левой он ел, а правой отгадывал сканворд. Причем руки двигались легко и независимо, безо всякого напряжения. Сказывался большой опыт.

Ирка уставилась на него с любопытством и восхищением. Действительно, Фатяйцев представлял собой колоритнейшую фигуру – маленький, пухлый, с пышной непослушной шевелюрой. Его толстые вислые щеки заставляли вспомнить о собаках породы сенбернар.

Почувствовав, что на него смотрят, Фатяйцев вскинул глаза.

– О, какой чудный ребенок! Аист принес? – воскликнул он.

– Кого, меня? – с обидой спросила Ирка.

Она была, как известно, в том возрасте, когда при слове «ребенок» хочется бросать ручные гранаты. Однако сосед Эссиорха выглядел так забавно, что сердиться на него долго было невозможно.

– Чудный ребенок, разве я не приглашал вас в прошлом году в цирк? – продолжал Фатяйцев. – Ну вспомните! Я еще попросил у вас телефончик, и вы его мне дали, но, увы, он оказался фальшивым. Я позвонил, и мне ответило общество любителей средиземноморских черепах.

– Я была на коляске? – наивно спросила Ирка.

– На коляске? – удивился Фатяйцев. – Думаете, в прошлом году вы были так малы? Не скромничайте!

Спохватившись, Ирка прикусила губу. Она поняла, что упоминать коляску не следовало. Своим неосторожным словом она едва не обрушила на бывшего клоуна проклятие валькирий.

– Нет, это была не я, – буркнула она.

– Нет, это были вы! – заупрямился Фатяйцев. – Я точно помню! На вас было белое платье из пуха одуванчиков!

Ирка засмеялась.

– Это все равно была не я!

– Как не вы? Разве не вы! О нет! Я убит! Я грежу о той девушке каждый день! – сказал Фатяйцев и, рыдая, закрыл лицо руками.

Рыдал он так правдоподобно, с брызгами и даже струйками слез, что Ирка даже испугалась и толкнула Эссиорха локтем. В ответ Эссиорх молча показал ей пальцем на уши Фатяйцева. Оказалось, рыдая, бывший клоун не забывал комично шевелить ушами.

– Хватит паясничать! Ты пугаешь девушку! – недовольно сказал Эссиорх.

Фатяйцев поднял к потолку красное негодующее лицо.

– Я не паясничая! Я искренно страдаю! Я клоун-мим! Вечный Пьеро! А ты наглый Арлекин! Не более того! – загромыхал он.

Правда, шумел Фатяйцев недолго. Уже через полминуты он перестал валять дурака и пригласил Ирку и Эссиорха отобедать с ним.

– Знаешь, чем я сейчас живу, откуда это вино, копченая колбаса, виноград и прочие элементы аристократической деградации? – спросил он, с гордостью кивая на стол.

– Бродишь по Арбату в рыжем парике, с круглым красным носом на резинке, и продаешь шарики? – улыбнулся Эссиорх, зная правильный ответ, но решивший подыграть соседу.

– Шарики? Ничего подобного, – бурно запротестовал Фатяйцев. – С этой фазой моей жизни покончено. Ныне я пи-

шу речи.

– Правительству? – удивленно спросила Ирка.

Фатяйцев замотал головой.

– Так низко я пока не пал. Там свои клоуны. Я сочиняю признания в любви для романтиков, лишенных дара слова, трагические эпитафии безвременно погибшим браткам, когда вокруг со слезами на глазах – с искренними слезами, заметьте! – толпятся те, кто их взорвал; пригласительные билеты на свадьбы и прочая, прочая, прочая. Бывают и неожиданные заказы. Недавно, например, я сочинял речь одному скромному служащему, который хотел попросить шефа поднять ему зарплату.

– И что, зарплату подняли?

– Увы, нет. Шеф оказался непрошибаемым жлобом. Зато у моего подопечного в процессе разучивания речи – а речь получилась душевная! – завязался роман с одной сослуживицей. До того они полтора года сидели чуть ли не стол в стол, но даже не смотрели друг на друга. Роман зашел достаточно далеко, и теперь я пишу бедняге оправдательные спичи, ибо он женат. Жена у него женщина неглупая, обмануть ее непросто, и я порой часами ломаю голову, выдумывая что-нибудь свеженькое. Где он был и почему задержался на работе.

Эссиорх укоризненно покачал головой. Фатяйцев был в ударе и выстреливал забавные истории одну за другой. Уже в конце обеда он мельком упомянул, что скоро ложится в

больницу, на операцию.

– Что за операция? – спросила Ирка.

– Да так, ерунда. Дело нескольких дней, – отвечал Фатяйцев.

– Серьезно?

Клоун замотал головой.

– Какое там серьезно, мелочевка... Была у меня бабка, умная старуха, но насквозь больная. Уж я и не скажу, сколько раз она под ножом лежала, а все в ус не дула. «Эх, Сашка! – говорила она. – Разве убережешься? Одним разом человек умирает, не износив как следует рук, ног, не испортив глаз. Разве не обидно? Лежит во гробе – и ножки целы, и ручки не истрачены, а где человек – нетути! Лучше уж по кусочкам на тот свет отправиться, да пожить подольше!» Ну, не поминайте лихом!

Фатяйцев надул щеки и хлопнул по ним, произведя выстрел громче пистолетного. Затем озабоченно посмотрел на часы и, крича: «Дела! Дела! Покою сердце просит!» – куда-то умчался.

– Ну как тебе Фатяйцев? Не правда ли, великолепен? – спросил Эссиорх.

– Твой друг очень грустный человек, – сказала Ирка.

– Кто грустный, он? – недоверчиво переспросил хранитель.

– Да. Даже когда он шутит, у него грустные глаза.

– Наверное, это потому, что он бывший клоун. У всех кло-

унов грустные глаза. Они смешат других, но им сами совсем не смешно, – подумав, сказал Эссиорх.

* * *

Комната, которой гордился хранитель, оказалась крошечной. К окну был прилеплен небольшой балкончик полукруглой формы – шага примерно в два. Однако, по словам Эссиорха, выходить на балкон было опасно – он находился в аварийном состоянии. Зато его любили навещать голуби. Здесь они ворковали, клевали хлеб и оставляли белые автографические кляксы.

– Ну вот мы и дома! – сказал Эссиорх с явным удовольствием.

На каждой из четырех стен, на полу и на потолке Ирка увидела защитную руну света, отдаленно похожую на море – такое, каким его рисуют маленькие дети. Ирке никогда не приходилось видеть, чтобы маленькое помещение охранялось с такой магической тщательностью.

Закрыв за собой дверь, Эссиорх прильнул к ней ухом и некоторое время внимательнейшим образом вслушивался во что-то. Затем подошел к окну и долго смотрел наружу. Подышал на стекло и длинным ногтем мизинца начертил на нем строку странных знаков. Некоторые из них сразу таяли, другие же отпечатывались в стекле, точно выжженные на нем навечно.

Должно быть, Эссиорх был удовлетворен результатом. Он расслабился и повернулся к Ирке.

– А вот теперь можно и о делах!.. Уверен, мрак очень бы желал получить это... – сказал хранитель, кивая на небольшой прямоугольный предмет, прислоненный к стене и накрытый одеялом.

Прежде чем сдернуть одеяло, Эссиорх быстро окинул взглядом все руны. Затем наклонился, потянул одеяло за край и отступил назад.

Ирка поняла, что перед ней картина. Она увидела лицо мальчика лет восьми. Его темные волосы от природы вились. Одетый в белую рубаху с расстегнутым воротом, он спокойно смотрел с портрета, опираясь на саблю в ножнах. Для упомянутого возраста лицо у мальчишки было, пожалуй, слишком умным и насмешливым. Заметно было, что ему надоело позировать, наскучило держать саблю и что ему втайне хочется показать художнику язык.

Портрет, должно быть, рисовался не на лучшем холсте и скверным маслом. Снаружи его уже успела покрыть сеть мелких трещин.

– Кто это? – спросила Ирка.

– Матвей Багров, сын Орловского помещика Федора Багрова, – ответил Эссиорх.

– Этот портрет магический? – спросила Ирка.

Хранитель покачал головой.

– Обыкновенный. До изобретения фотографии множе-

ство художников ездили по дворянским усадьбам, готовые рисовать все, что закажут. Портреты хозяев, романтические мельницы, любимых лошадей, собак... Затем все перебила фотография, и ремесло постепенно сошло на нет.

– Откуда у тебя этот портрет? – спросила Ирка.

Эссиорх усмехнулся.

– Ты будешь удивлена. Я украл его сегодня из реставрационной мастерской! – сказал он.

– ТЫ УКРАЛ?

– Ну зачем повторять? Говорят тебе: украл. Все было сделано чисто, с минимальным применением магии. Я телепортировал, воспользовавшись отсутствием реставраторов, надел на видеокамеру носок, взял портрет вместе с рамой и был таков. Дело двух минут. Гораздо больше времени я потратил, уничтожая все репродукции с этой картины и хранящиеся в каталогах снимки. К счастью, их оказалось не так уж и много. Картина не самая известная и большую часть времени пылилась в запасниках.

– Но зачем ты ее украл?

Эссиорх терпеливо посмотрел на Ирку.

– Вариантов два. Выбирай любой. Первый: чтобы продать на толчке и приобрести розовую мечту идиота – мотоцикл «Кавасаки-Ниндзя ZX-R». Второй: чтобы она не попала к мраку или к темным магам.

– Второй, – сказала Ирка.

– А я бы выбрал первый. Уж больно привлекательно. К

сожалению, ты права: второй, – разочарованно подтвердил Эссиорх.

– А почему так важно, чтобы мрак не знал, как выглядит мальчишка? Картина старая, и того, кто на ней, давно нет на свете, – сказала Ирка, с сожалением глядя на умное и живое лицо на портрете.

Хранитель взглянул на нее с вежливым удивлением.

– Я не стал бы спешить с выводами. Ты точно знаешь, что он мертв? У тебя есть доказательства? Что-то, чего не знаю я? – спросил он жадно.

– Нет, но если элементарно прикинуть даты, то... – начала Ирка.

– Так я и думал, что доказательств у тебя нет, – жестко оборвал ее Эссиорх. – Когда лопухоид (пусть даже бывший) заходит в тупик, он моментально начинает ссылаться на арифметику... Это известная практика! Может, ты еще скажешь, что три плюс три – шесть?

– А сколько?

– Это правило верно, только если считаешь кирпичи. А если, к примеру, взять три добра и три помидора и сложить их – это тоже будет шесть?

– Прости. Наверное, ты прав. Я скверная валькирия, – сказала Ирка.

– Ну-ну... – мгновенно оттаял Эссиорх. – Это я никуда не годный хранитель, помешанный на мотоциклах и снимающий комнаты в коммуналках с оплатой эйфорическими сле-

мами! В общем, я потому и показал тебе портрет, что все это чудовищно важно. А теперь слушай меня. Я расскажу тебе все, что сам знаю о Матвее Багрове...

Хранитель присел и медленно провел открытой ладонью в нескольких сантиметрах от портрета. Затем легко, подушечками пальцев коснулся лица мальчика. От его пальцев по портрету пробежала золотистая волна.

– Ты хочешь оживить картину? – спросила Ирка.

Эссиорх покачал головой.

– Это невозможно. Художник не был ни стражем, ни даже магом, – сказал он.

– Но что-то ты все же сделал?

– Что-то, – кратко ответил Эссиорх. – Но очень немного... Ожить портрет не сможет, но какие-то минимальные изменения с ним будут происходить. Возможно – я подчеркиваю! – возможно, через несколько дней портрет повзрослеет, и мы увидим лицо *сегодняшнего* Багрова... Таким, каким он стал.

– Даже если это будет череп? – спросила Ирка.

– Даже если череп. Вопрос в том, есть ли у нас эти несколько дней. Боюсь, что их нет, – жестко подтвердил Эссиорх.

Оторвав от портрета пальцы, он встал. Краски, отметила Ирка, стали гораздо ярче. Казалось, художник закончил его только что – всего несколько мгновений назад.

– То, что ты услышишь сейчас, всего лишь предположе-

ние. Я опираюсь лишь на скудные сведения, которыми располагают Прозрачные Сферы, и собственную интуицию, которая у нас, хранителей, развита лучше, чем у обычных светлых стражей. Лично я Матвея Багрова никогда не видел, не считая, конечно, этого портрета, – немного занудно, в своей обычной подробной манере, продолжал Эссиорх.

Ирка внимательно слушала.

– Но все же я почти уверен, то, что я сейчас скажу, окажется близким к истине. Одного я опасаюсь, чтобы это было не ближе к истине, чем сама истина, ибо тогда это будет ложь. Ты понимаешь?

– Да. То есть приблизительно, – поправилась Ирка.

– Здесь на портрете Матвею Багрову лет восемь. Когда он исчез, в смысле исчез окончательно – а он исчезал дважды! – ему было не больше четырнадцати. Между восьмью и четырнадцатью всего шесть лет – около двух тысяч дней! – но каких лет и каких дней!.. Мальчишка был очень энергичный. Рос с отцом. Мать убило молнией, когда ему было около года. Отец, гусарский полковник в отставке, забияка и самодур, сам воспитывал сына, и воспитывал очень круто. Поднимал в пять утра, и они четыре версты бежали по лесу к роднику. Чтобы получить завтрак, мальчишка должен был попасть из пистолета в монету, подвешенную на столбе на нитке. Каждый день монета поднималась немного выше. Рубились они настоящими саблями, только немного притупленными. Никакого учебного оружия. На лошадях скакали

без седел. К семи годам мальчишка уже объезжал коней, самых норовистых. Говорят, даже степные жеребцы становились смиренными, когда он заглядывал им в глаза. Охотился не только *вместе* с отцом, но *наравне* с отцом. Важное уточнение, заметь, особенно если вспомнить, сколько ему было тогда лет. От ружейной отдачи, говорят, у него все плечо было в синяках, а мальчишка все равно продолжал стрелять и попадать... Кроме этого, были еще иностранные языки, арифметика, география, древняя история, отечественная словесность и многое другое. Такое вот детство!.. В двенадцать лет Матвей Багров бежал из дома с цыганами. Кое-кто утверждал, что он украден, но, зная его характер, я уверен, что он сбежал сам.

– Отец не пытался его отыскать?

– Отца не было уже в живых. Он погиб, когда парню было одиннадцать. В лютый мороз бросился вытаскивать провалившуюся под лед крестьянскую клячонку, простудился и умер. Опекуном Матвея до совершеннолетия стал его родной дядя, но молодой Багров терпеть его не мог, хотя дядя вроде был человек добродушный. Во всяком случае, даже голоса на него не повышал. Вот еще одна загадка! – сказал Эссиорх.

Ирке, не отрывавшей взгляд от портрета, почудилось, что лицо подростка скривилось при упоминании о дяде.

«Нет. Просто игра света! Эссиорх же сказал, что портрет не может ожить...» – подумала она.

– Ты говорил: бегство с цыганами – это первое его исчезновение, – напомнила Ирка.

– Да, первое. Некоторое время спустя мальчишка оказывается на Лысой Горе. Точнее, рядом с Лысой Горой, ибо на Лысую Гору лопухоиду никогда не подняться. Ему – это важно! – двенадцать с половиной. Он одет в крестьянское платье. За плечами – мешок. В мешке сабля и пара пистолетов, сверху заваленные тряпьем, чтобы не бросались в глаза. К тому времени Матвей уже отстал от цыган и ведет бродячий образ жизни. Спит где придется, то в сарае, то в стоге сена, а зимой просится переночевать в теплую избу. Отличный охотник, он легко добывает дичь и либо меняет на еду, либо продает. Порой пастухи угощают его картошкой и хлебом. Лишь двух вещей он никогда не делает: не ворует и не просит милостыни. И то и другое ниже его достоинства. Ведь он в конце концов дворянин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.